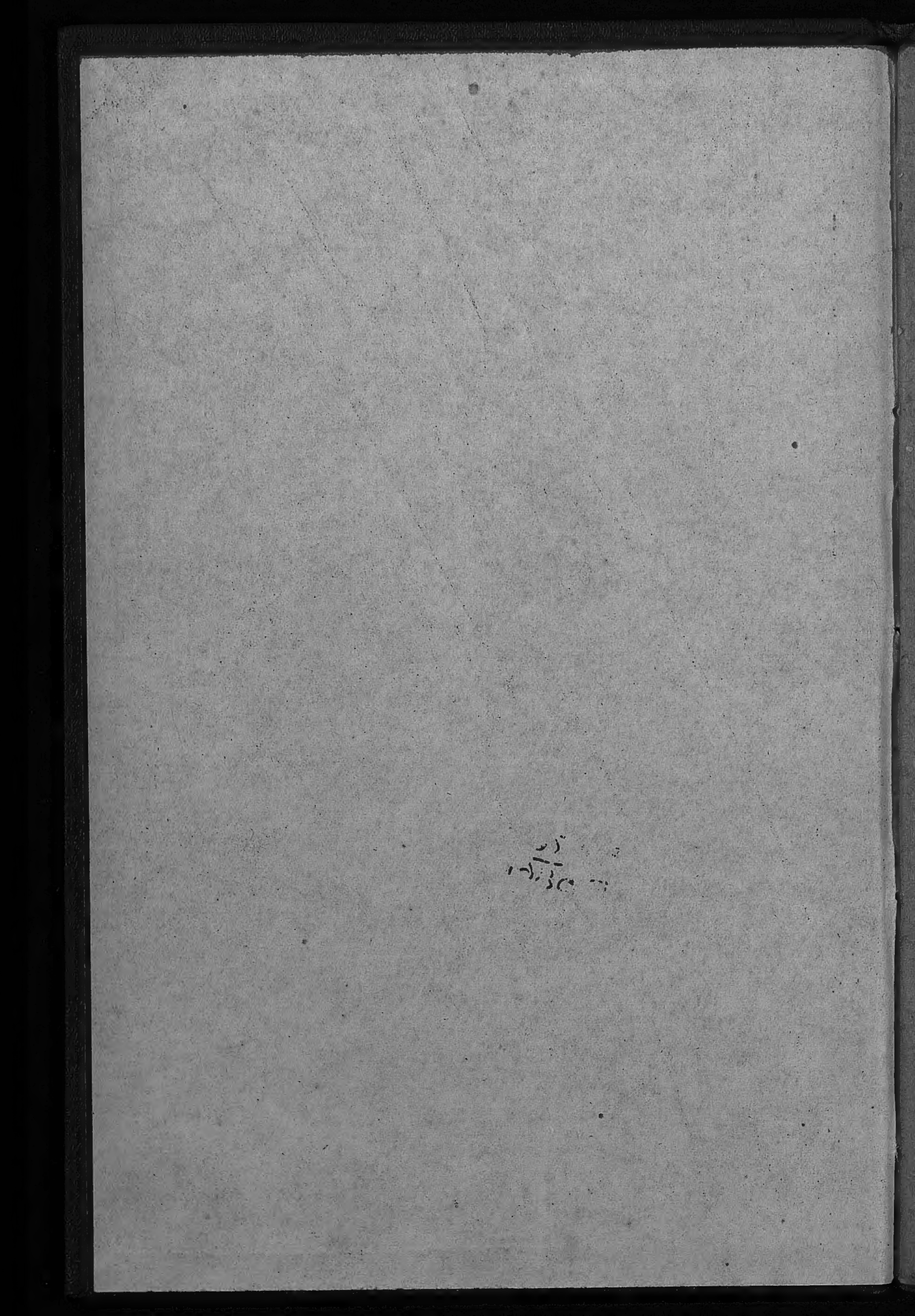
Ленинъ

Грозящая катастрофа и какъ съ ней бороться

Россійская Соціалъ-Демократическая Рабочая Партія.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Н. ЛЕНИНЪ.

ГРОЗЯЩАЯ КАТАСТРОФА И КАКЪ СЪ НЕЙ БОРОТЬСЯ.

Солдатская и Крестьянская библіотека.

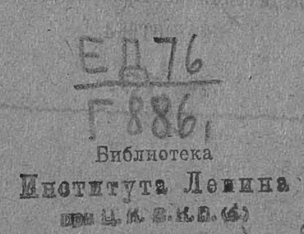
№ 13.

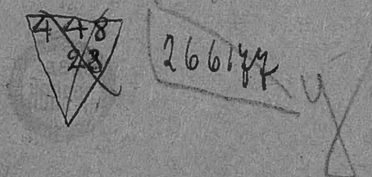
Цѣна 40 коп.

ПЕТРОГРАДЪ.
Тип. „Сов. Раб. и Солд. Деп. Вас. Остр.", Тучковъ. п., 17.
1917.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Голодъ надвигается.

Россіи грозитъ неминуемая катастрофа. Желѣзнодорожный транспортъ разстроенъ неимовѣрно и разстраивается все больше. Желѣзныя дороги встанутъ. Прекратится подвозъ сырыхъ матеріаловъ и угля на фабрики. Прекратится подвозъ хлѣба. Капиталисты умышленно и неуклонно саботируютъ (портятъ, останавливаютъ, подрываютъ, тормозятъ) производство, надѣясь, что неслыханная катастрофа будетъ крахомъ республики и демократизма, Совѣтовъ и вообще пролетарскихъ и крестьянскихъ союзовъ, облегчая возвратъ къ монархіи и возстановленіе всевластія буржуазіи и помѣщиковъ.

Катастрофа невиданныхъ размѣровъ и голодъ грозятъ неминуемо. Объ этомъ говорилось уже во всѣхъ газетахъ безчисленное количество разъ. Неимовѣрное количество резолюцій принято и партіями и Совѣтами Рабочихъ, Солдатскихъ и Крестьянскихъ Депутатовъ, — резолюцій, въ которыхъ признается, что катастрофа неминуема, что она надвигается совсѣмъ близко, что необходима отчаянная борьба съ ней, необходимы «героическія усилія» народа для предотвращенія гибели и т. д.

Всѣ это говорятъ. Всѣ это признаютъ. Всѣ это рѣшили.

И ничего не дѣлается.

Прошло полгода революціи. Катастрофа надвинулась еще ближе. Дошло до массовой безработицы. Подумать только: въ странѣ безтоварье, страна гибнетъ отъ недостатка продуктовъ, отъ недостатка рабочихъ рукъ, при достаточномъ количествѣ хлѣба и сырья, — и въ такой странѣ, въ такой критическій моментъ выросла массовая безработица! Какое еще нужно доказательство того, что за полгода революціи, при демократической республикѣ, при обиліи союзовъ, органовъ, учрежденій, горделиво именующихъ себя «революц.-демократическ.», на дѣлѣ ровнехонько ничего серьезнаго противъ катастрофы, противъ голода не сдѣлано? Мы приближаемся къ краху все быстрѣе и быстрѣе, ибо война не ждетъ, и создаваемое ею разстройство всѣхъ сторонъ народной жизни все усиливается.

А между тѣмъ достаточно самаго небольшого вниманія и размышленія, чтобы убѣдиться въ томъ, что способы борьбы съ катастрофой и голодомъ имѣются, что мѣры борьбы вполнѣ ясны, просты, вполнѣ осуществимы, вполнѣ доступны народнымъ силамъ и что мѣры эти **не принимаются только** потому, **исключительно** потому, что осуществленіе ихъ затронетъ неслыханныя прибыли горстки помѣщиковъ и капиталистовъ.

Въ самомъ дѣлѣ. Можно ручаться, что вы не найдете ни одной рѣчи, ни одной статьи въ газетѣ любого направленія, ни одной резолюціи любого собранія или учрежденія, гдѣ бы не признавалась совершенно ясно и опредѣленно основная и главная мѣра борьбы, мѣра предотвращенія катастрофы и голода. Эта мѣра: контроль, надзоръ, учетъ, регулированіе со стороны государства, установленіе правильнаго распредѣленія рабочихъ силъ въ производствѣ и распредѣленіе продуктовъ, сбереженіе народныхъ силъ, устраненіе всякой лишней траты силъ, экономія ихъ. Контроль, надзоръ, учетъ — вотъ первое слово въ борьбѣ съ катастрофой и съ голодомъ. Вотъ что безспорно и общепризнано. И вотъ чего какъ разъ **не дѣлаютъ** изъ боязни посягнуть на всевластіе помѣщиковъ и капиталистовъ, на ихъ безмѣрныя, неслыханныя, скандальныя прибыли, прибыли, которыя наживаются на дороговизнѣ, на военныхъ поставкахъ (а на войну «работаютъ» теперь прямо или косвенно чуть ли не всѣ), прибыли, которыя всѣ знаютъ, всѣ наблюдаютъ, по поводу которыхъ всѣ ахаютъ и охаютъ.

И ровно ничего для сколько нибудь серьезнаго контроля, учета, надзора со стороны государства не дѣлается.

Полная бездѣятельность правительства.

Происходитъ повсемѣстный систематическій, неуклонный саботажъ всякаго контроля, надзора и учета, всякихъ попытокъ наладить его со стороны государства. И нужна невѣроятная наивность, чтобы не понимать, нужно сугубое лицемѣріе, чтобы прикидываться не понимающимъ, откуда этотъ саботажъ исходитъ, какими средствами онъ производится. Ибо этотъ саботажъ банкирами и капиталистами, этотъ **срывъ** ими всякаго контроля, надзора, учета приспособляется къ государственнымъ формамъ демократической республики, приспособляется къ существованію «революціонно-демократическихъ» учрежденій. Господа капиталисты великолѣпно усвоили себѣ ту истину, которую на словахъ признаютъ всѣ сторонники научнаго соціализма, но которую меньшевики и эсъ-эры постарались тотчасъ же забыть, послѣ того, какъ ихъ друзья заняли мѣстечки министровъ, товарищей министра и т. п. Это именно та истина, что экономическая сущность капиталистической эксплуатаціи нисколько не затрагивается замѣной монархическихъ формъ правленія республиканско-демократическими и что, слѣдовательно, и наоборотъ: надо измѣнить лишь **форму** борьбы за неприкосновенность и святость капиталистической прибыли, чтобы отстоять ее при демократической республикѣ такъ же успѣшно, какъ отстаивали ее при самодержавной монархіи.

Современный, новѣйшій республиканско-демократическій саботажъ всякаго контроля, учета, надзора состоитъ въ томъ, что капиталисты на словахъ «горячо» признаютъ «принципъ» контроля и необходимость его (какъ и всѣ меньшевики и эсъ-эры, само собой разумѣется), но только настаиваютъ на «постепенномъ», планомѣрномъ, «государственно-упорядоченномъ» введеніи этого контроля. На дѣлѣ же этими благовидными словечками прикрывается **срывъ** контроля, превращеніе его въ ничто, въ фикцію, игра въ контроль, оттяжка всякихъ дѣловыхъ и практи-

чески-серьезныхъ шаговъ, созданіе необыкновенно сложныхъ, громоздкихъ, чиновничьи-безжизненныхъ учрежденій контроля, которыя насквозь зависимы отъ капиталистовъ и ровнехонько ничего не дѣлаютъ и дѣлать не могутъ.

Чтобы не быть голословными, сошлемся на свидѣтелей изъ меньшевиковъ и эсъ-эровъ, т. е. тѣхъ именно людей, которые имѣли большинство въ Совѣтахъ за первое полугодіе революціи, которые участвовали въ «коалиціонномъ правительствѣ» и которые поэтому политически отвѣтственны передъ русскими рабочими и крестьянами за попустительство капиталистамъ, за срывъ ими всякаго контроля.

Въ офиціальномъ органѣ самаго высшаго изъ такъ называемыхъ «полномочныхъ» (не шутите!) органовъ «революціонной» демократіи, въ «Извѣстіяхъ Ц. И. К.» (т. е. Центральнаго Исполнительнаго Комитета Всероссійскаго Съѣзда Совѣтовъ Рабочихъ, Солдатскихъ и Крестьянскихъ Депутатовъ), въ № 164, отъ 7-го сентября 1917 года, напечатано **постановленіе** тѣми же меньшевиками и эсъ-эрами созданнаго и въ ихъ рукахъ находящагося спеціальнаго учрежденія по вопросамъ контроля. Это спеціальное учрежденіе — «Экономическій Отдѣлъ» Ц. И. Комитета. Въ его постановленіи офиціально признается, какъ фактъ, **полная бездѣятельность образованныхъ при правительствѣ центральныхъ органовъ «регулированія экономической жизни».**

Неправда ли, развѣ можно себѣ представить болѣе краснорѣчивое свидѣтельство о крахѣ меньшевистской и эсъ-эровской политики, подписанное руками самихъ меньшевиковъ и эсъ-эровъ?

Еще при царизмѣ необходимость регулированія экономической жизни признана и нѣкоторыя учрежденія для этого были созданы. Но при царизмѣ разруха росла и росла, достигая чудовищныхъ размѣровъ. Задачей республиканскаго, революціоннаго правительства было признано сразу принятіе серьезныхъ, рѣшительныхъ мѣръ для устраненія разрухи. Когда образовывалось «коалиціонное», при участіи меньшевиковъ и эсъ-эровъ, правительство, то въ торжественнѣйшей всенародной деклараціи его отъ 6-го мая было дано обѣщаніе и обязательство установить государственный контроль и регулированіе. И Церетелли и Черновы, а равно всѣ меньшевистскіе и эсъ-эровскіе вожди божились и клялись, что они не только отвѣтственны за правительство, но что находящіеся у нихъ въ рукахъ «полномочные органы революціонной демократіи» на дѣлѣ слѣдятъ за работой правительства и провѣряютъ ее.

Прошло четыре мѣсяца послѣ 6-го мая, четыре длинныхъ мѣсяца, когда Россія уложила сотни тысячъ солдатъ на нелѣпое, имперіалистское «наступленіе», когда разруха и катастрофа приближались семимильными шагами, когда лѣтнее время давало исключительную возможность сдѣлать многое и по части судоходнаго транспорта, и по части земледѣлія, и по части развѣдокъ въ горномъ дѣлѣ и пр. и т. п., — и черезъ четыре мѣсяца меньшевики и эсъ-эры вынуждены офиціально признать «полную бездѣятельность» образованныхъ при правительствѣ учрежденій контроля!!!

И это меньшевики и эсъ-эры, съ серьезнымъ видомъ государственныхъ мужей, болтаютъ теперь (мы пишемъ эти строки, какъ разъ наканунѣ Демократическаго Совѣщанія 12-го сентября) о томъ, что дѣлу можно помочь замѣной коалиціи съ кадетами, коалиціей съ торгово-промышленными китъ-китычами, Рябушинскими, Бубликовыми, Терещенками и К°!

Спрашивается, чѣмъ объяснить эту поразительную слѣпоту меньшевиковъ и эсъ-эровъ? Слѣдуетъ ли считать ихъ государственными младенцами, которые по крайнему неразумію и наивности не вѣдаютъ, что творятъ и заблуждаются добросовѣстно? Или обиліе занятыхъ мѣстечекъ министра, товарищей министра, генералъ-губернаторовъ, комиссаровъ и тому подобное имѣетъ свойство порождать особую «политическую» слѣпоту?

Общеизвѣстность и легкость мѣръ контроля.

Можетъ возникнуть вопросъ, не представляютъ ли способы и мѣры контроля чего-либо чрезвычайно сложнаго, труднаго, неиспытаннаго, даже неизвѣстнаго? Не объясняется ли затяжка тѣмъ, что государственные люди кадетской партіи, торгово-промышленнаго класса, партій эсъ-эровъ и меньшевиковъ въ потѣ лица своего трудятся уже полгода надъ изысканіемъ, изученіемъ, открытіемъ мѣръ и способовъ контроля, но задача оказывается неимовѣрно трудной и все еще не рѣшенной?

Увы! Темнымъ мужичкамъ, неграмотнымъ и забитымъ, да обывателямъ, которые всему вѣрятъ и ни во что не вникаютъ, стараются «втирать очки» и представлять дѣло въ такомъ видѣ. Въ дѣйствительности же даже царизмъ, даже «старый режимъ», создавая военно-промышленные комитеты, **зналъ** основную мѣру, главный способъ и путь контроля: объединеніе населенія по разнымъ профессіямъ, цѣлямъ работы, отраслямъ труда и т. п. Но царизмъ боялся объединенія населенія и потому всячески ограничивалъ, искусственно стѣснялъ этотъ общеизвѣстный «легчайшій, вполнѣ примѣнимый способъ и путь контроля».

Всѣ воюющія государства, испытывая крайнія тяготы и бѣдствія войны, испытывая — въ той или иной мѣрѣ — разруху и голодъ, давно намѣтили, опредѣлили, примѣнили, испробовали **цѣлый рядъ** мѣръ контроля, которыя почти всегда сводятся къ объединенію населенія, къ созданію или поощренію союзовъ разнаго рода, при участіи представителей государства, при надзорѣ съ его стороны и т. п. Всѣ такія мѣры контроля общеизвѣстны, объ нихъ много говорено и много писано, законы, изданные воюющими передовыми державами и относящіеся къ контролю, переведены на русскій языкъ или подробно изложены въ русской печати.

Если бы дѣйствительно наше государство **хотѣло дѣловымъ** серьезнымъ образомъ осуществлять контроль, если бы его учрежденія не осудили себя своимъ холопствомъ передъ капиталистами на «полную бездѣятельность», то государству оставалось бы лишь черпать обѣими руками изъ богатѣйшаго запаса мѣръ контроля, уже извѣстныхъ, уже примѣненныхъ. Единственной помѣхой этому, — помѣхой, которую прикрываютъ отъ глазъ народа кадеты, эсъ-эры и меньшевики, — было и остается то, что кон-

троль обнаружилъ бы бѣшеныя прибыли капиталистовъ и подорвалъ бы эти прибыли.

Чтобы нагляднѣе пояснить этотъ важнѣйшій вопросъ (равносильный, въ сущности, вопросу о программѣ всякаго дѣйствительно революціоннаго правительства, которое захотѣло бы спасти Россію отъ войны и голода), перечислимъ эти главнѣшія мѣры контроля и разсмотримъ каждую изъ нихъ.

Мы увидимъ, что правительству, не въ насмѣшку только называемому революціонно-демократическимъ, достаточно было бы въ первую же недѣлю своего образованія, декретировать (постановить, приказать) осуществленіе главнѣйшихъ мѣръ контроля, назначить серьезное не шуточное наказаніе капиталистамъ, которые бы обманнымъ путемъ стали уклоняться отъ контроля, и призвать само населеніе къ надзору за капиталистами, къ надзору за добросовѣстнымъ исполненіемъ ими постановленій о контролѣ,— и контроль былъ бы уже давно осуществленъ въ Россіи.

Вотъ эти главнѣйшія мѣры:

1) Объединеніе всѣхъ банковъ въ одинъ и государственный контроль надъ его операціями или національзація банковъ.

2) Національзація синдикатовъ, т. е. крупнѣйшихъ, монополистическихъ союзовъ капиталистовъ (синдикаты: сахарный, нефтяной, угольный, металлургическій и т. д.).

3) Отмѣна коммерческой тайны.

4) Принудительное синдицированіе (т. е. принудительное объединеніе въ союзы) промышленниковъ, торговцевъ и хозяевъ вообще.

5) Принудительное объединеніе населенія въ потребительныя общества или поощренія такого объединенія и контроль за нимъ.

Разсмотримъ, какое значеніе имѣла бы каждая изъ этихъ мѣръ, при условіи революціонно-демократическаго осуществленія ея.

Національзація банковъ.

Банки, какъ извѣстно, представляютъ изъ себя центры современной хозяйственной жизни, главные нервные узлы всей капиталистической системы народнаго хозяйства. Говорить о «регулированіи экономической жизни» и обходить вопросъ о національзаціи банковъ, значитъ либо обнаруживать самое круглое невѣжество, либо обманывать «простонародье» пышными словами и велерѣчивыми обѣщаніями, при заранѣе обдуманномъ рѣшеніи не исполнять этихъ обѣщаній.

Контролировать и регулировать доставку хлѣба или вообще производство и распредѣленіе продуктовъ, не контролируя, не регулируя банковыхъ операцій, это безсмыслица. Это похоже на ловлю случайно набѣгающихъ «копеечекъ» и на закрываніе глазъ на милліоны рублей. Современные банки такъ тѣсно и неразрывно срослись съ торговлей (хлѣбной и всякой иной) и промышленностью, что не «накладывая рукъ» на банки, рѣшительно ничего серьезнаго, ничего «революціонно-демократическаго» сдѣлать нельзя.

Но можетъ быть это «накладываніе рукъ» государства на банки представляетъ изъ себя какую-либо очень труд-

ную и запутанную операцію? Филистеровъ стараются обыкновенно запугать именно такой картиной — стараются, конечно, капиталисты и ихъ защитники, ибо имъ это выгодно.

На самомъ же дѣлѣ націонализація банковъ, рѣшительно ни одной копѣйки ни у одного «собственника» не отнимая, абсолютно никакихъ, ни техническихъ, ни культурныхъ трудностей не представляетъ и задерживается **исключительно** интересами грязной корысти ничтожной горстки богачей. Если національзацію банковъ такъ часто смѣшиваютъ съ конфискаціей частныхъ имуществъ, то виновата въ распространеніи этого смѣшенія понятій буржуазная пресса, интересы которой состоятъ въ обманываніи публики.

Собственность на капиталы, которыми орудуютъ банки и которые сосредоточиваются въ банкахъ, удостовѣряется печатными и письменными свидѣтельствами, которыя называются акціями, облигаціями, векселями, расписками и т. п. Ни единое изъ этихъ свидѣтельствъ не пропадаетъ и не мѣняется при національзаціи банковъ, т. е. при сліяніи всѣхъ банковъ въ одинъ государственный банкъ. Кто владѣлъ 15-ю рублями по сберегательной книжкѣ, тотъ остается владѣльцемъ 15-ти рублей и послѣ національзаціи банковъ, а кто имѣлъ 15 милліоновъ, у того и послѣ національзаціи банковъ остается 15 милліоновъ въ видѣ акцій, облигацій, векселей, товарныхъ свидѣтельствъ и тому подобное.

Въ чемъ же значеніе національзаціи банковъ?

Въ томъ, что за отдѣльными банками и ихъ операціями никакой дѣйствительный контроль (даже если отмѣнена коммерческая тайна и пр.) невозможенъ, ибо нельзя услѣдить за тѣми сложнѣйшими, запутаннѣйшими и хитроумнѣйшими пріемами, которые употребляются при составленіи балансовъ, при основаніи фиктивныхъ предпріятій и филіальныхъ отдѣленій, при пусканіи въ ходъ подставныхъ лицъ, и такъ далѣе и тому подобное. Только объединеніе всѣхъ банковъ въ одинъ, не означая, само по себѣ, ни малѣйшихъ измѣненій въ отношеніяхъ собственности, не отнимая, повторяемъ, ни у одного собственника ни единой копѣйки, даетъ **возможность** дѣйствительнаго контроля, — конечно, при условіи примѣненія всѣхъ другихъ, указанныхъ выше, мѣропріятій. Только при національзаціи банковъ можно **добиться** того, что государство будетъ знать, куда и какъ, откуда и въ какое время переливаютъ милліоны и милліарды. И только контроль за банками, за центромъ, за главнымъ стержнемъ и основнымъ механизмомъ капиталистическаго оборота позволилъ бы наладить на дѣлѣ, а не на словахъ контроль за всей хозяйственной жизнью, за производствомъ и распредѣленіемъ важнѣйшихъ продуктовъ, наладить то «регулированіе экономической жизни», которое иначе осуждено неминуемо оставаться министерской фразой для надуванья простонародья. Только контроль за банковыми операціями, при условіи ихъ объединенія въ одномъ государственномъ банкѣ, позволяетъ наладить, при дальнѣйшихъ легко осуществимыхъ мѣропріятіяхъ, дѣйствительное взысканіе подоходнаго налога безъ утайки имуществъ и доходовъ, ибо

теперь подоходный налогъ остается въ громаднѣйшей степени фикціей.

Національзацію банковъ достаточно было бы именно декретировать, — и ее провели бы директора и служащіе сами. Никакого особаго аппарата, никакихъ особыхъ подготовительныхъ шаговъ со стороны государства тутъ не требуется, эта мѣра осуществима именно однимъ указомъ, «однимъ ударомъ». Ибо экономическая возможность такой мѣры создана какъ разъ капитализмомъ, разъ онъ доразвился до векселей, акцій, облигацій и проч. Тутъ остается **только объединеніе счетоводства,** и если бы революціонно-демократическое государство постановило: немедленно, по телеграфу, созываются въ каждомъ городѣ собранія, а въ области и во всей странѣ съѣзды, директоровъ и служащихъ, для безотлагательнаго объединенія всѣхъ банковъ въ одинъ государственный банкъ, то эта реформа была бы проведена въ нѣсколько недѣль. Разумѣется, именно директора и высшіе служащіе оказали бы сопротивленіе, постарались надуть государство, оттянуть дѣло и проч., ибо эти господа потеряли бы свои особенно доходныя мѣстечки, потеряли бы возможность особенно прибыльныхъ мошенническихъ операцій; **въ этомъ вся суть.** Но ни малѣйшихъ техническихъ трудностей объединенію банковъ нѣтъ, и если государственная власть не на словахъ только революціонная (т. е. не боится рвать съ косностью и рутиной), не на словахъ только демократическая (т. е. дѣйствующая въ интересахъ большинства народа, а не кучки богатѣевъ), то достаточно бы декретировать конфискацію имущества и тюрьму, какъ наказаніе директорамъ, членамъ правленія, крупнымъ акціонерамъ, за малѣйшую оттяжку дѣла и за попытки сокрытія документовъ и отчетовъ, достаточно бы, напр., объединить **отдѣльно** бѣдныхъ служащихъ и выдавать имъ премію за обнаруженіе глаже гладкаго и быстрѣе быстраго.

Выгоды для всего народа, и особенно **не** для рабочихъ (ибо рабочимъ съ банками мало приходится имѣть дѣло), а для массы крестьянъ и мелкихъ промышленниковъ, были бы отъ національзаціи банковъ огромныя. Сбереженіе труда получилось бы гигантское, и если предположить, что государство сохранило бы прежнее число банковскихъ служащихъ, то это означало бы въ высшей степени большой шагъ впередъ въ направленіи къ универсализаціи (всеобщности) пользованія банками, къ увеличенію числа ихъ отдѣленій, доступности ихъ операцій и пр. и пр. Доступность и легкость кредита именно для **мелкихъ** хозяйчиковъ, для крестьянства, возросла бы чрезвычайно. Государство же впервые получило бы возможность сначала **обозрѣвать** всѣ главныя денежныя операціи, безъ утайки ихъ, затѣмъ контролировать ихъ, далѣе **регулировать** хозяйственную жизнь, наконецъ, получать милліоны и милліарды на крупныя государственныя операціи, не платя «за услугу» бѣшеныхъ «комиссіонныхъ» господамъ капиталистамъ. Вотъ почему — и только поэтому — всѣ капиталисты, всѣ буржуазные профессора, вся буржуазія, всѣ услужающіе ей Плехановы, Потресовы и К°, съ пѣной у рта готовы воевать противъ національзаціи банковъ, выдумывать тысячи отговорокъ противъ этой величайшей и

насущнѣйшей мѣры, хотя даже съ точки зрѣнія «обороны» страны, т. е. съ военной точки зрѣнія эта мѣра была бы гигантскимъ плюсомъ, она подняла бы «военную мощь» страны въ громадныхъ размѣрахъ.

Здѣсь могутъ, пожалуй, возразить: отчего же такія передовыя государства, какъ Германія и Соед. Штаты Америки, проводятъ въ жизнь великолѣпное «регулированіе экономической жизни», и не думая осуществлять націонализаціи банковъ?

Оттого — отвѣтимъ мы — что эти государства, хотя одно монархія, другое республика, являются оба не только капиталистическими, но и имперіалистскими. Являясь таковыми, они проводятъ въ жизнь необходимыя для нихъ преобразованія путемъ реакціонно-бюрократическимъ, мы же говоримъ здѣсь о пути революціонно-демократическомъ.

Эта «маленькая разница» имѣетъ очень существенное значеніе. Объ ней большей частью «не принято» думать. Слово «революціонная демократія» стало у насъ (особенно у эсъ-эровъ и меньшевиковъ) почти что условной фразой, въ родѣ выраженія: «слава богу», которое употребляется и людьми не настолько невѣжественными, чтобы вѣрить въ бога, или вродѣ выраженія: «почтенный гражданинъ», съ которымъ обращаются даже иногда къ сотрудникамъ «Дня» или «Единства», хотя почти всѣ догадываются, что газеты эти основаны и содержатся капиталистами въ интересахъ капиталистовъ и что поэтому участіе въ нихъ якобы-соціалистовъ имѣетъ въ себѣ очень мало «почтеннаго».

Если слова: «революціонная демократія» употреблять не какъ шаблонную парадную фразу, не какъ условную кличку, а **думать** надъ ихъ значеніемъ, то быть демократомъ значитъ на дѣлѣ считаться съ интересами большинства народа, а не меньшинства, быть революціонеромъ значитъ ломать все вредное, отжившее самымъ рѣшительнымъ, самымъ безпощаднымъ образомъ.

Ни въ Америкѣ, ни въ Германіи ни правительства, ни правящіе классы и не претендуютъ, насколько слышно, на то званіе «революціонной демократіи», на которое претендуютъ (и которое проституируютъ) наши эсъ-эры и меньшевики.

Въ Германіи всего **4** крупнѣйшихъ частныхъ банка, имѣющихъ общенаціональное значеніе, въ Америкѣ всего **2**. Финансовымъ королямъ этихъ банковъ легче, удобнѣе, выгоднѣе соединяться приватно, тайкомъ, реакціонно, а не революціонно, бюрократически, а не демократически, подкупая государственныхъ чиновниковъ (это общее правило и въ Америкѣ и въ Германіи), сохраняя частный характеръ банковъ именно для сохраненія тайны операцій, именно для взиманія милліоновъ и милліоновъ «сверхприбыли» съ того же государства, именно для обезпеченія мошенническихъ финансовыхъ продѣлокъ.

И Америка и Германія «регулируютъ экономическую жизнь» такъ, чтобы рабочимъ (и крестьянамъ отчасти) создать **военную каторгу**, а банкирамъ и капиталистамъ **рай**. Ихъ регулированіе состоитъ въ томъ, что рабочихъ «подтягиваютъ» вплоть до голода, а капиталистамъ обезпечиваютъ (тайкомъ, реакціонно-бюрократически) прибыли выше тѣхъ, какія были до **войны**.

Такой путь вполнѣ возможенъ и для республикански-имперіалисткой Россіи; онъ и осуществляется не только Милюковыми и Шингаревыми, но и Керенскимъ вкупѣ съ Терещенкой, Некрасовымъ, Бернацкимъ, Прокоповичемъ и К°, которые **тоже прикрываютъ** реакціонно-бюрократически «неприкосновенность» банковъ, ихъ священныя права на бѣшеныя прибыли. Давайте же лучше говорить **правду:** въ республиканской Россіи хотятъ реакціонно-бюрократически регулировать экономическую жизнь, но затрудняются «часто» провести это въ жизнь при существованіи «Совѣтовъ», которыхъ не удалось разогнать Корнилову номеръ первый, но которые постарается разогнать Корниловъ номеръ второй...

Вотъ это будетъ правда. И эта простая, хотя и горькая правда полезнѣе для просвѣщенія народа, чѣмъ сладенькая ложь о «нашей», «великой», «революціонной» демократіи...

Націонализація банковъ чрезвычайно облегчила бы одновременную націонализацію страхового дѣла, т. е. объединеніе всѣхъ страховыхъ компаній въ одну, централизацію ихъ дѣятельности, контроль за ней государства. Съѣзды служащихъ въ страховыхъ обществахъ и здѣсь выполнили бы это объединеніе немедленно и безъ всякаго труда, если бы революціонно-демократическое государство декретировало это и предписало директорамъ правленій, крупнымъ акціонерамъ подъ строгой отвѣтственностью каждаго осуществить объединеніе безъ малѣйшаго промедленія. Въ страховое дѣло вложены капиталистами сотни милліоновъ, вся работа выполняется служащими. Объединеніе этого дѣла понизило бы страховую премію, дало массу удобствъ и облегченій всѣмъ страхующимся, позволило бы расширить ихъ кругъ, при прежней затратѣ силъ и средствъ. Рѣшительно никакихъ другихъ обстоятельствъ кромѣ косности, рутины и корысти горстки обладателей доходныхъ мѣстечекъ не задерживаетъ этой реформы, которая опять таки и «обороноспособность» страны подняла бы, давъ сбереженіе народнаго труда, открывъ рядъ серьезнѣйшихъ возможностей «регулировать экономическую жизнь» на дѣлѣ, а не на словахъ.

Націонализація синдикатовъ.

Капитализмъ тѣмъ отличается отъ старыхъ докапиталистическихъ системъ народнаго хозяйства, что онъ создалъ теснѣйшую связь и взаимозависимость различныхъ отраслей его. Не будь этого никакіе шаги къ соціализму, кстати сказать, были бы технически невыполнимы. Современный же капитализмъ съ господствомъ банковъ надъ производствомъ довелъ эту взаимозависимость различныхъ отраслей народнаго хозяйства до высшей степени.

Банки и крупнѣйшія отрасли промышленности и торговли срослись неразрывно. Съ одной стороны, это значитъ, что нельзя націонализировать только банки, не дѣлая шаговъ къ созданію государственной монополіи торговыхъ и промышленныхъ синдикатовъ (сахарной, угольной, желѣзной, нефтяной и пр.), не націонализируя эти синдикаты. Съ другой стороны, это значитъ, что регулированіе эконо-

мической жизни, если его осуществлять серьезно, требуетъ одновременно національзаціи и банковъ и синдикатовъ.

Возьмемъ для примѣра хоть сахарный синдикатъ. Онъ создался еще при царизмѣ и тогда привелъ къ крупнѣйшему капиталистическому объединенію прекрасно оборудованныхъ фабрикъ и заводовъ, причемъ это объединеніе, разумѣется, насквозь проникнуто было реакціоннѣйшимъ и бюрократическимъ духомъ, обезпечивало скандально-высокіе барыши капиталистамъ, ставило въ абсолютно безправное, униженное, забитое, рабское положеніе служащихъ и рабочихъ. Государство уже тогда контролировало, регулировало производство въ пользу магнатовъ богачей.

Тутъ остается только превратить реакціонно-бюрократическое регулированіе въ революціонно-демократическое, простыми декретами о созывѣ съѣзда служащихъ, инженеровъ, директоровъ, акціонеровъ, о введеніи единообразной отчетности, о контролѣ рабочихъ союзовъ и пр. Это самая простая вещь—и именно она остается несдѣланной!! При демократической республикѣ остается **на дѣлѣ** реакціонно-бюрократическое регулированіе сахарной промышленности, все остается по старому, хищеніе народнаго труда, рутина и застой, обогащеніе Бобринскихъ и Терещенокъ. Призвать къ самостоятельной иниціативѣ демократію, а не бюрократію, рабочихъ и служащихъ, а не «сахарныхъ королей», вотъ что можно и должно бы сдѣлать въ нѣсколько дней, однимъ ударомъ, — если бы эсъ-эры и меньшевики не затемняли сознанія народа планами «коалиціи», какъ разъ съ этими сахарными королями, какъ разъ той коалиціи съ богачами, отъ которой, вслѣдствіе которой «полная бездѣятельность» правительства въ дѣлѣ регулированія экономической жизни проистекаетъ совершенно неизбѣжно *).

Возьмите нефтяное дѣло. Оно «обобществлено» уже предшествующимъ развитіемъ капитализма въ гигантскихъ размѣрахъ. Пара нефтяныхъ королей — вотъ кто ворочаетъ милліонами и сотнями милліоновъ, занимаясь стрижкой купоновъ, собираніемъ сказочныхъ прибылей съ «дѣла», уже организованнаго фактически-технически общественно въ общегосударственныхъ размѣрахъ, уже ведомаго сотнями и тысячами служащихъ, инженеровъ и т. д. Національзація нефтяной промышленности возможна **сразу** и обязательна для революціонно-демократическаго государства, особенно когда оно переживаетъ величайшій кризисъ, когда надо во что бы то ни стало сберегать народный трудъ и увеличивать производство топлива. Понятно, что бюрократическій контроль тутъ ничего не дастъ, ничего не измѣнитъ, ибо и съ Терещенками, и съ Керенскими, и съ Авксентьевыми, и со Скобелевыми «нефтяные короли» справятся такъ же легко, какъ справились они съ царскими министрами, справятся посредствомъ оттяжекъ, отговорокъ, обѣщаній, затѣмъ прямого и косвеннаго подкупа буржуазной прессы (это называется «общественнымъ мнѣніемъ» и съ этимъ Керенскіе и Авксентьевы «считаются»), подкупа чиновниковъ (оставляемыхъ Керенскимъ и Авксентьевымъ на старыхъ мѣстахъ въ старомъ неприкосновенномъ государственномъ аппаратѣ).

*) Эти строки были уже написаны, когда я прочелъ въ газетахъ, что правительство Керенскаго вводитъ сахарную монополію и, разумѣется, вводитъ ее реакціонно-бюрократически безъ съѣздовъ служащихъ, рабочихъ, безъ гласности, безъ обузданія капиталистовъ!!!

Чтобы сдѣлать что либо серьезное, надо отъ бюрократіи перейти, и дѣйствительно революціонно перейти, къ демократіи, т. е. объявить войну нефтянымъ королямъ и акціонерамъ, декретировать конфискацію ихъ имущества и наказаніе тюрьмой за оттяжку національзаціи нефтяного дѣла, за сокрытіе доходовъ или отчетовъ, за саботированіе производства, за непринятіе мѣръ къ повышенію производства. Надо обратиться къ иниціативѣ рабочихъ и служащихъ, ихъ созвать немедленно на совѣщаніе и съѣзды, въ ихъ руки передать такую-то долю прибыли при условіи созданія всесторонняго контроля и увеличенія производства. Если бы такіе революціонно-демократическіе шаги были сдѣланы тотчасъ, сразу, въ апрѣлѣ 1917 года, тогда Россія, одна изъ богатѣйшихъ странъ въ мірѣ по запасамъ жидкаго топлива, могла бы сдѣлать за лѣто, пользуясь воднымъ транспортомъ, очень и очень многое въ дѣлѣ снабженія народа необходимыми количествами топлива.

Ни буржуазное, ни коалиціонное эсъ-эровски-меньшевистски-кадетское правительство не сдѣлало ровно ничего, ограничилось бюрократической игрой въ реформы. Ни единаго революціонно-демократическаго шага предпринять не осмѣлилось. Тѣ же нефтяные короли, тотъ же застой, та же ненависть рабочихъ и служащихъ къ эксплоататорамъ, тотъ же развалъ на этой почвѣ, то же хищеніе народнаго труда, все какъ было при царизмѣ, перемѣнились только **заголовки** исходящихъ и входящихъ бумагъ въ «республиканскихъ» канцеляріяхъ.

Относительно угольной промышленности, не менѣе «готовой» технически и культурно къ національзаціи, не менѣе безстыдно управляемой грабителями народа, угольными королями, мы имѣемъ рядъ нагляднѣйшихъ фактовъ прямого саботажа, прямой порчи и остановки производства промышленникамч. Даже министерская меньшевистская «Раб. Газета» признала эти факты. И что же? Ровно ничего не сдѣлано, кромѣ старыхъ реакціонно-бюрократическихъ совѣщаній «пополамъ», поровну отъ рабочихъ и отъ разбойниковъ угольнаго синдиката!!

Ни одного революціонно-демократическаго шага, ни тѣни попытки установленія единственно реальнаго контроля **снизу**, черезъ союзъ служащихъ, черезъ рабочихъ, путемъ террора по отношенію къ губящимъ страну и останавливающимъ производство углепромышленникамъ! Какъ же можно, мы вѣдь «всѣ» за «коалицію», если не съ кадетами, то съ торгово-промышленными кругами, а коалиція это и значитъ оставлять у капиталистовъ власть, оставлять ихъ безнаказанными, позволять имъ тормозить дѣло, валить все на рабочихъ, усиливать разруху, готовить такимъ образомъ новую корниловщину!

Отмѣна коммерческой тайны.

Безъ отмѣны коммерческой тайны контроль за производствомъ и распредѣленіемъ либо остается пустѣйшимъ посуломъ, потребнымъ только для надуванія кадетами эсъ-эровъ и меньшевиковъ, а эсъ-эрами и меньшевиками трудящихся классовъ, либо контроль можетъ быть осуществленъ только реакціоннобюрократическими способами и мѣрами. Какъ ни очевидно это для всякаго непредубѣжденнаго человѣка, какъ ни упорно настаивала на отмѣнѣ

коммерческой тайны «Правда» (закрытая въ значительной степени именно за это правительствомъ Керенскаго, услужающимъ капиталу), — ни республиканское правительство наше, ни «правительственные органы революціонной демократіи» и не подумали объ этомъ **первомъ словѣ** дѣйствительнаго контроля.

Именно здѣсь ключъ ко всякому контролю. Именно здѣсь самое чувствительное мѣсто капитала, грабящаго народъ и саботирующаго производство. Именно поэтому и боятся эсъ-эры и меньщевики прикоснуться къ этому пункту.

Обычный доводъ капталистовъ, повторяемый безъ размышленія мелкой буржуазіей, состоитъ въ томъ, что капиталистическое хозяйство абсолютно не допускаетъ вообще отмѣны коммерческой тайны, ибо частная собственность на средства производства, зависимость отдѣльныхъ хозяйствъ отъ рынка дѣлаетъ необходимымъ «священную неприкосновенность» торговыхъ книгъ и торговыхъ, а въ томъ числѣ, конечно, и банковыхъ оборотовъ.

Люди, въ той или иной формѣ повторяющіе этотъ или подобные доводы, даютъ себя въ обманъ и сами обманываютъ народъ, закрывая глаза на два основные крупнѣйшіе и общеизвѣстные факта современной хозяйственной жизни. Первый фактъ: крупный капитализмъ, т. е. особенность хозяйства банковъ, синдикатовъ большихъ фабрикъ и т. д. Второй фактъ: война.

Именно современный крупный капитализмъ, становящійся повсюду монополистическимъ капитализмомъ, устраняетъ всякую тѣнь разумности коммерческой тайны, дѣлаетъ ее лицемѣріемъ и исключительно орудіемъ скрыванія финансовыхъ мошенничествъ и невѣроятныхъ прибылей крупнаго капитала. Крупное капиталистическое хозяйство, по самой уже технической природѣ своей, есть обобществленное хозяйство, т. е. и работаетъ оно на милліоны людей и объединяетъ своими операціями, прямо и косвенно, сотни, тысячи и десятки тысячъ семей. Это не то, что хозяйство мелкаго ремесленника или средняго крестьянина, которые вообще никакихъ торговыхъ книгъ не ведутъ, и къ которымъ поэтому и отмѣна торговой тайны не относится!

Въ крупномъ хозяйствѣ операціи все равно извѣстны сотнямъ и болѣе лицъ. Законъ, охраняющій торговую тайну, служитъ здѣсь не потребностямъ производства или обмѣна, а спекуляціи и наживѣ въ самой грубой формѣ, прямому мошенничеству, которое, какъ извѣстно, въ акціонерныхъ предпріятіяхъ пріобрѣтаетъ особенное распространеніе и особенно искусно прикрывается отчетами и балансами, комбинируемыми такъ, чтобы надувать публику.

Если торговая тайна неизбѣжна въ мелкомъ товарномъ хозяйствѣ, т. е. среди мелкихъ крестьянъ и ремесленниковъ, гдѣ само производство не обобществлено, распылено, раздроблено, то въ крупномъ капиталистическомъ хозяйствѣ охрана этой тайны, есть охрана привилегій и прибылей буквально горстки людей **противъ** всего народа. Это признано уже и закономъ постольку, поскольку введена публикація отчетовъ акціонерныхъ обществъ, но этотъ контроль, во всѣхъ передовыхъ странахъ, а также въ Россіи, уже осуществленный, есть именно реакціонно-бюрократи-

ческій контроль, который **народу** глазъ не открываетъ, который **не позволяетъ** знать **всю правду** объ операціяхъ акціонернаго общества.

Чтобы дѣйствовать революціонно-демократически, тутъ слѣдовало бы немедленно издать иной законъ, отмѣняющій торговую тайну, требующій отъ крупныхъ хозяйствъ и отъ богачей самыхъ полныхъ отчетовъ, предоставляющій любой группѣ гражданъ, достигающей солидной демократической численности (скажемъ, 1000 или 10.000 избирателей) права просмотра **всѣхъ** документовъ любого крупнаго предпріятія. Такая мѣра вполнѣ и легко осуществима простымъ декретомъ; **только** она развернула бы народную инициативу контроля черезъ союзы служащихъ, черезъ союзы рабочихъ, черезъ всѣ политическія партіи, только она сдѣлала бы контроль серьезнымъ и демократическимъ.

Добавьте еще къ этому войну. Громадное большинство торгово-промышленныхъ предпріятій работаетъ теперь не на «вольный рынокъ», а на **казну,** на войну. Я говорилъ уже поэтому въ «Правдѣ», что люди, возражающіе намъ доводами о невозможности введенія соціализма, лгутъ и трижды лгутъ, ибо рѣчь идетъ не о введеніи соціализма теперь, непосредственно, съ сегодня на завтра, а о **раскрытіи казнокрадства.**

Капиталистическое хозяйство «на войну» (т. е. хозяйство, связанное прямо или косвенно съ военными поставками, наживаютъ здѣсь неслыханныя прибыли, наживаютъ господа кадеты, вмѣстѣ съ меньшевиками и эсъ-эрами, которые противятся отмѣнѣ торговой тайны, представляютъ изъ себя не что иное, какъ **пособниковъ и укрывателей** казнокрадства.

Война стоитъ Россіи теперь 50 милліоновъ рублей **въ день.** Эти 50 милліоновъ въ день идутъ большею частью военнымъ поставщикамъ. Изъ этихъ 50 милліоновъ по меньшей мѣрѣ 5 милліоновъ **ежедневно,** а вѣроятнѣе 10 милліоновъ и болѣе составляютъ «безгрѣшные доходы» капиталистовъ и находящихся въ той или иной стачкѣ съ ними чиновниковъ. Особенно крупныя фирмы и банки, ссужающіе деньгами подъ операціи съ военными поставками, наживаютъ здѣсь неслыханныя прибыли, наживаютъ именно казнокрадствомъ, ибо иначе нельзя назвать это надуваніе и обдираніе народа «по случаю» бѣдствій войны, «по случаю» гибели сотенъ тысячъ и милліоновъ людей.

Объ этихъ скандальныхъ прибыляхъ на поставкахъ, о «гарантійныхъ письмахъ», скрываемыхъ банками, о томъ, кто наживается на растущей дороговизнѣ, «всѣ» знаютъ, объ этомъ съ усмѣшечкой говорятъ въ «обществѣ», объ этомъ не мало отдѣльныхъ точныхъ указаній имѣется даже въ буржуазной прессѣ, по общему правилу замалчивающей «непріятные» факты и обходящей «щекотливые» вопросы. Всѣ знаютъ, — и всѣ молчатъ, всѣ терпятъ, всѣ мирятся съ правительствомъ, краснорѣчиво говорящимъ о «контролѣ» и «регулированіи»!!!

Революціонные демократы, если бы они были дѣйствительно революціонными и демократическими, немедленно издали бы законъ, отмѣняющій торговую тайну, обязывающій поставщиковъ и торговцевъ отчетностью, запрещающій имъ покидать ихъ родъ дѣятельности безъ раз-

рѣшенія власти, вводящій конфискацію имущества за утайку и обманъ наода, организующаго провѣрку и контроль **снизу,** демократически, со стороны самаго народа, союзовъ служащихъ, рабочихъ потребителей и т. д.

Наши эсъ-эры и меньшевики вполнѣ заслуживаютъ названія запуганныхъ демократовъ, ибо по данному вопросу они повторяютъ то, что говорятъ всѣ запуганные мѣщане, именно что капиталисты «разбѣгутся» при примѣненіи «слишкомъ суровыхъ» мѣръ, что безъ капиталистовъ «намъ» не справиться, что «обидятся», пожалуй, и англо-французскіе милліонеры, которые вѣдь насъ «поддерживаютъ», и тому подобное. Можно подумать, что большевики предлагаютъ нѣчто въ исторіи человѣчества невиданное, никогда не испробованное; утопичное, тогда какъ на самомъ дѣлѣ уже 125 лѣтъ тому назадъ во Франціи люди, дѣйствительно бывшіе революціонными демократами», дѣйствительно убѣжденные въ справедливомъ, оборонительномъ характерѣ войны съ ихъ стороны, дѣйствительно опиравшіеся на народныя массы, искренно убѣжденныя въ томъ же, эти люди умѣли устанавливать **революціонный** контроль за богачами и достигать результатовъ, передъ которыми преклонялся весь міръ. А за истекшіе пять четвертей вѣка развитіе капитализма, создавъ банки, синдикаты, желѣзныя дороги и пр. и пр., во сто кратъ облегчило и упростило мѣры дѣйствительно демократическаго контроля со стороны рабочихъ и крестянъ за эксплоататорами и капиталистами.

Въ сущности говоря, весь вопросъ о контролѣ сводится къ тому, кто кого контролируетъ, т. е. какой классъ является контролирующимъ и какой контролируемымъ. У насъ до сихъ поръ, въ республиканской Россіи, при участіи «правомочныхъ органовъ», якобы революціонной демократіи въ роли контролеровъ признаются и оставляются помѣщики и капиталисты. Въ результатѣ неизбѣжно то мародерство капиталистовъ, которое вызываетъ всеобщее возмущеніе народа, и та разруха, которая искусственно капиталистами поддерживается. Надо перейти рѣшительно, безповоротно, не боясь рвать со старымъ, не боясь строить смѣло новое, къ контролю **надъ** помѣщиками и капиталистами со стороны рабочихъ и крестьянъ. А этого наши эсъ-эры и меньшевики пуще огня боятся.

Принудительное объединеніе въ союзы.

Принудительное синдицированіе, т. е. принудительное объединеніе въ союзъ, напр., промышленниковъ уже примѣнено на практикѣ Германіей. Тутъ нѣтъ ничего новаго. И тутъ по винѣ эсъ-эровъ и меньшевиковъ мы видимъ полнѣйшій застой Республиканской Россіи, которую сіи малопочтенныя партіи «занимаютъ» кадрилемъ, который танцуютъ съ кадетами, или съ Бубликовыми, или съ Терещенками и Керенскими.

Принудительное синдицированіе есть, съ одной стороны, своего рода подталкиваніе государствомъ капиталистическаго развитія, всюду и вездѣ ведущаго къ организаціи классовой борьбы, къ росту числа, разнообразія и значенія союзовъ. А съ другой стороны, принудительное «обсоюзываніе», есть необходимое предварительное усло-

віе всякаго сколько-нибудь серьезнаго контроля и всякаго сбереженія народнаго труда.

Германскій законъ обязываетъ, напримѣръ, кожевенныхъ фабрикантовъ данной мѣстности или всего государства объединяться въ союзъ, причемъ представитель государства входитъ для контроля въ правленіе этого союза. Подобный законъ непосредственно, т. е. самъ по себѣ нисколько не затрагиваетъ отношеній собственности, не отнимаетъ ни единой копѣйки ни у одного собственника и не предрѣшаетъ еще, будетъ ли контроль осуществляться въ реакціонно-бюрократическихъ или въ революціонно-демократическихъ формахъ, направленіи, духѣ.

Подобные законы можно и должно бы издать у насъ немедленно, не теряя ни одной недѣли драгоцѣннаго времени и предоставляя **самой общественной обстановкѣ** опредѣлить болѣе конкретныя формы осуществленія закона, быстроту его осуществленія, способы надзора за его осуществленіемъ и т. п. Государству не нужны тутъ ни особый аппаратъ, ни особыя изысканія, ни какія бы то ни было предварительныя изслѣдованія для изданія такого закона, нужна лишь рѣшимость порвать съ нѣкоторыми частными интересами капиталистовъ, «не привыкшихъ» къ подобному вмѣшательству, не желающихъ терять сверхприбыли, обезпечиваемыя, наряду съ безконтрольностью хозяйничаньемъ по старинкѣ.

Никакой аппаратъ и никакая «статистика» (которою Черновъ хотѣлъ подмѣнить раволюціонную иниціативу крестьянства) не нужны для изданія такого закона, ибо осуществленіе его должно быть возложено на самихъ фабрикантовъ или промышленниковъ, **на наличныя** общественныя силы, подъ контролемъ тоже наличныхъ общественныхъ (т. е. не правительственныхъ, не бюрократическихъ силъ), только обязательно изъ т. наз. «низшихъ сословій», т. е. изъ угнетенныхъ, эксплоатируемыхъ классовъ, которыя всегда въ исторіи оказывались неизмѣримо **выше** эксплоататоровъ по способности на героизмъ, на самопожертвованіе, на товарищескую дисциплину.

Допустимъ, что у насъ имѣется дѣйствительно революціонно-демократическое правительство и что оно постановляетъ: всѣ фабриканты и промышленники каждой отрасли производства, если они занимаютъ, скажемъ, не менѣе 2-хъ рабочихъ, обязаны немедленно объединиться въ поуѣздные и погубернскіе союзы. Отвѣтственность за неуклонное выполненіе закона возлагается въ первую голову на фабрикантовъ, директоровъ, членовъ правленія, крупныхъ акціонеровъ (ибо все это настоящіе вожди современной промышленности, настоящіе ея хозяева). Они разсматриваются, какъ дезертиры съ военной службы и караются, какъ таковые, за уклоненіе отъ работы по немедленному осуществленію закона, отвѣчая по круговой порукѣ, всѣ за одного, одинъ за всѣхъ, всѣмъ своимъ имуствомъ. Затѣмъ отвѣтственность возлагается и на служащихъ всѣхъ, тоже обязанныхъ составить **одинъ** союзъ, и на всѣхъ рабочихъ съ ихъ профессіональнымъ союзомъ. Цѣлью «обсоюзыванія» является установленіе полнѣйшей, строжайшей и подробнѣйшей отчетности, а главное **соединеніе операцій** по закупкѣ сырья, по сбыту издѣлій, **по сбереженію** народныхъ средствъ и силъ. Это сбереженіе

при объединеніи разрозненныхъ предпріятій въ одинъ синдикатъ достигаетъ гигантскихъ размѣровъ, какъ учитъ экономическая наука, какъ показываютъ примѣры всѣхъ синдикатовъ, картелей, трестовъ. Причемъ еще разъ надо повторить, что само по себѣ это обсоюзываніе въ синдикатъ ни на іоту отношеній собственности не измѣняетъ, ни одной копѣйки ни у одного собственника не отнимаетъ. Это обстоятельство приходится усиленно подчеркивать, ибо буржуазная пресса постоянно «пугаетъ» мелкихъ и среднихъ хозяевъ, будто соціалисты вообще, большевики въ особенности, хотятъ «экспропріировать» ихъ: утвержденіе заведомо ложное, такъ какъ соціалисты **даже при полномъ соціалистическомъ** переворотѣ экспропріировать мелкихъ крестьянъ не хотятъ, не могутъ и не будутъ. А мы говоримъ все время **только** о тѣхъ ближайшихъ и насущнѣйшихъ мѣрахъ, которыя уже осуществлены въ Западной Европѣ и которыя сколько нибудь послѣдовательная демократія должна бы немедленно осуществлять у насъ для борьбы съ грозящей и неминуемой катастрофой.

Серьезныя трудности и техническія и культурныя, встрѣтило бы объединеніе въ союзы мельчайшихъ и мелкихъ хозяевъ, вслѣдствіе крайняго раздробленія ихъ предпріятій, технической примитивности, неграмотности или необразованности владѣльцевъ. Но именно эти предпріятія могли бы быть исключены изъ закона (какъ уже отмѣчено въ нашемъ предположительномъ примѣрѣ, выше), и не объединеніе ихъ, не говоря уже о запозданіи ихъ объединенія, серьезной полной невозможности создать бы не могло, ибо роль громаднаго числа мелкихъ предпріятій **ничтожна** въ общей суммѣ производства, въ ихъ значеніи для народнаго хозяйства въ цѣломъ, а кромѣ того они часто зависимы, такъ или иначе отъ крупныхъ предпріятій.

Рѣшающее значеніе имѣютъ только крупныя предпріятія, и здѣсь техническія и культурныя средства и силы для «обсоюзыванія» **есть на лицо,** не достаетъ только твердой, рѣшительно, безпощадно-суровой по отношенію къ эксплоататорамъ иниціативы **революціонной** власти для того, чтобы эти силы и средства были пущены въ ходъ.

Чѣмъ бѣднѣе страна технически образованными и вообще интеллигентными силами, тѣмъ **насущнѣе** необходимо, какъ можно быстрѣе и какъ можно рѣшительнѣе декретировать принудительное объединеніе и начать проведеніе его съ крупнѣйшихъ и крупныхъ предпріятій, ибо именно объединеніе **сбережетъ** интеллигентныя силы, дастъ возможность **полностью** использовать и правильнѣе распредѣлить ихъ. Если даже русское крестьянство въ своихъ захолустьяхъ, при царскомъ правительствѣ, работая противъ тысячи препонъ, создаваемыхъ имъ, сумѣло послѣ 1905 года сдѣлать громадный шагъ впередъ въ дѣлѣ созданія всякихъ союзовъ, то разумѣется, объединеніе крупной и средней промышленности и торговли могло бы быть проведено въ нѣсколько мѣсяцевъ, или же быстрѣе, при условіи принужденія къ этому со стороны дѣйствительно революціонно-демократическаго правительства, опирающагося на поддержку, участіе, заинтересованность, выгоды «низовъ», демократіи, служащихъ, рабочихъ, — призывающаго ихъ къ контролю.

Регулированіе потребленія.

Война заставила всѣ воюющія и многія нейтральныя государства перейти къ регулированію потребленія. Хлѣбная карточка появилась на свѣтъ божій, стала привычнымъ явленіемъ, потянула за собой и другія карточки. Россія не осталась въ сторонѣ и тоже ввела хлѣбныя карточки.

Но именно на этомъ примѣрѣ мы можемъ всего, пожалуй, нагляднѣе сравнить реакціонно-бюрократическіе методы борьбы съ катастрофой, старающіеся ограничиться минимумомъ преобразованій, съ революціонно-демократическими, которые, чтобы заслуживать свое названіе, должны ставить своей прямой задачей насильственный разрывъ съ отжившимъ старымъ и возможно большее ускореніе движенія впередъ.

Хлѣбная карточка, этотъ главный образецъ регулированія потребленія въ современныхъ капиталистическихъ государствахъ, ставитъ своей задачей и осуществляетъ (въ лучшемъ случаѣ осуществляетъ) одно: распредѣлить наличное количество хлѣба, чтобы всѣмъ хватило. Вводится максимумъ потребленія далеко не всѣхъ, а только главныхъ «народныхъ» продуктовъ. И это все. О большемъ не заботятся. Бюрократически подсчитываютъ наличные запасы хлѣба, дѣлятъ ихъ по душамъ, устанавливаютъ норму, вводятъ ее и ограничиваются этимъ. Предметовъ роскоши не трогаютъ, **ибо они** «все равно» такъ дороги, что «народу» недоступны. Поэтому **во всѣхъ**, безъ всякаго исключенія, воюющихъ странахъ, **даже** въ Германіи, которую, кажется, не вызывая споровъ, можно счесть образцомъ самаго аккуратнаго, самаго педантичнаго, самаго строгаго регулированія потребленія, **даже** въ Германіи мы видимъ постоянный обходъ богатыми какихъ бы то ни было «нормъ» потребленія. Это тоже «всѣ» знаютъ, объ этомъ тоже «всѣ» говорятъ съ усмѣшкой, и въ германской соціалистической — а иногда даже буржуазной — прессѣ, несмотря на свирѣпости казарменно-строгой нѣмецкой цензуры постоянно встрѣчаются замѣтки и сообщенія о «меню» богачей, о полученіи бѣлаго хлѣба въ любомъ количествѣ богатыми въ такомъ то курортѣ (подъ видомъ больныхъ его посѣщаютъ всѣ... у кого много денегъ), о замѣнѣ богачами простонародныхъ продуктовъ изысканными и рѣдкими предметами роскоши.

Реакціонное капиталистическое государство, которое **боится** подорвать устои капитализма, устои наемнаго рабства, устои экономическаго господства богатыхъ, **боится** развить самодѣятельность рабочихъ и вообще трудящихся, **боится** «разжечь» ихъ требовательность; **такому** государству ничего не нужно, кромѣ хлѣбной карточки. Такое государство ни на минуту, ни при одномъ своемъ шагѣ не упускаетъ изъ виду **реакціонной** цѣли: укрѣпить капитализмъ, не дать подорвать его, ограничить «регулированіе экономической жизни» вообще, регулированіе потребленія въ частности, только такими мѣрами, которыя безусловно необходимы, чтобы прокормить народъ, отнюдь не **посягая** на дѣйствительное регулированіе потребленія въ смыслѣ **контроля** за богатыми, въ смыслѣ возложенія на нихъ, лучше поставленныхъ привилегированныхъ, сы-

тыхъ и перекормленныхъ въ мирное время, **большихъ** тяготъ въ военное время.

Реакціонно-бюрократическое рѣшеніе задачи, поставленной народомъ войной, ограничивается хлѣбной карточкой, распредѣленіемъ поровну абсолютно-необходимыхъ для питанія «народныхъ» продуктовъ, ни на іоту не отступая отъ бюрократизма и реакціонности, именно отъ цѣли: самодѣятельности бѣдныхъ, пролетаріата, массы народа («демоса») **не** поднимать, контроля **съ ихъ стороны** за богатыми **не** допускать, лазеекъ для того, чтобы богатые вознаграждали себя предметами роскоши, оставлять **побольше.** И во всѣхъ странахъ, повторяемъ, даже въ Германіи, — о Россіи нечего и говорить — лазеекъ оставлено масса, голодаетъ «простой народъ», а богатые ѣздятъ въ курорты, пополняютъ скудную казенную норму всяческими «додатками» со стороны и **не** позволяютъ **себя** контролировать.

Въ Россіи, только что продѣлавшей революцію, противъ царизма во имя свободы и равенства, въ Россіи, сразу ставшей демократической республикой по ея фактическимъ политическимъ учрежденіямъ, особенно бьетъ въ глаза народу, особенно вызываетъ недовольство, раздраженіе, озлобленіе и возмущеніе массъ, это легкость обхода «хлѣбныхъ карточекъ» богатыми, которую **всѣ** видятъ. Легкость эта особенно велика. «Подъ полой» и за особенно высокую цѣну, особенно «при связяхъ» (которыя есть только у богатыхъ), достаютъ все и помногу. Голодаетъ народъ. Регулированіе потребленія ограничивается самыми узкими, бюрократически-реакціонными рамками. Со стороны правительства нѣтъ и тѣни заботы о томъ, чтобы поставить это регулированіе на началахъ дѣйствительно революціонно-демократическихъ.

Отъ хвостовъ страдаютъ «всѣ», но... но богатые посылаютъ прислугу стоять въ хвостахъ и нанимаютъ даже для этого особую прислугу! Вотъ вамъ и «демократизмъ»!!!

Революціонно-демократическая политика во время неслыханныхъ бѣдствій, переживаемыхъ страной, для борьбы съ надвигающейся катастрофой, не ограничилась бы хлѣбными карточками, а добавила бы къ нимъ, во-первыхъ, принудительное объединеніе всего населенія въ потребительныя общества, ибо безъ такого объединенія контроль за потребленіемъ полностью провести нельзя, во-вторыхъ, трудовую повинность для богатыхъ, съ тѣмъ, чтобы они обслуживали безплатно эти потребительныя общества секретарскимъ и другимъ трудомъ; въ-третьихъ, раздѣлъ поровну между населеніемъ дѣйствительно всѣхъ продуктовъ потребленія, чтобы тягости войны распредѣлить дѣйствительно равномѣрно; въ-четвертыхъ, организацію контроля такую, чтобы потребленіе именно богатыхъ контролировали бѣдные классы населенія.

Созданіе дѣйствительнаго демократизма въ этой области, проявленіе дѣйствительной революціонности въ организаціи контроля, какъ разъ наиболѣе нуждающимися классами народа было бы величайшимъ толчкомъ къ напряженію каждой наличной интеллигентной силы, къ развитію дѣйствительно революціонной энергіи всего народа. А то теперь министры республиканской и революціонно-демократической Россіи совершенно такъ же, какъ ихъ со-

братья во всѣхъ остальныхъ имперіалисткихъ странахъ, говорятъ пышныя слова объ «общемъ трудѣ въ пользу народа», о «напряженіи всѣхъ силъ», но именно народъ видитъ, чувствуетъ и осязаетъ лицемѣрность этихъ словъ.

Получается топтанье на мѣстѣ и неудержимый ростъ развала, приближеніе катастрофы, ибо по Корниловски, по Гинденбурговски, по общему имперіалисткому образцу ввести военной каторги для рабочихъ наше правительство не можетъ — слишкомъ еще живы въ народѣ традиціи, воспоминанія, слѣды, навыки, учрежденія **революціи;** а сдѣлать дѣйствительно серьезные шаги по пути революціонно-демократическому наше правительство не хочетъ, ибо оно насквозь пропитано и сверху и донизу опутано отношеніями зависимости отъ буржуазіи, «коалиціи» съ ней, боязнью затронуть ея фактическія привилегіи.

Разрушеніе работы демократическихъ организацій Правительствомъ.

Мы разсмотрѣли различные способы и методы борьбы съ катастрофой и голодомъ. Мы видѣли повсюду непримиримость противорѣчія между демократіей съ одной стороны и правительствомъ, а также поддерживающимъ его блокомъ эсъ-эровъ и меньшевиковъ, съ другой. Чтобы доказать, что эти противорѣчія существуютъ въ дѣйствительности, а не только въ нашемъ изложеніи, и что непримиримость ихъ доказывается фактически конфликтами, имѣющими общенародное значеніе, достаточно напомнить два особенно типичныхъ «итога» и урока полугодовой исторіи нашей революціи.

Исторія «царствованія» Пальчинскаго — одинъ урокъ.

Исторія «царствованія» и паденія Пѣшехонова — другой.

Въ сущности, описанныя выше мѣры борьбы съ катастрофой и голодомъ сводятся къ всестороннему поощренію (вплоть до принужденія) «обсоюзыванія» населенія и въ первую голову демократіи, т. е. большинства населенія, — значитъ, прежде всего угнетенныхъ классовъ, рабочихъ и крестьянъ, особенно бѣднѣйшихъ. И на этотъ путь стихійно стало становиться населеніе само для борьбы съ неслыханными трудностями, тяготами и бѣдствіями войны.

Царизмъ всячески тормозилъ самостоятельное и свободное «обсоюзываніе» населенія. Но послѣ паденія царской монархіи, демократическія организаціи стали возникать и быстро расти по всей Россіи. Борьбу съ катастрофой повели самочинныя демократическія организаціи, всякаго рода комитеты снабженія, продовольственные комитеты, совѣщанія по топливу и прочее и тому под.

И вотъ, самое замѣчательное во всей полугодовой исторіи нашей революціи по разсматриваемому вопросу состоитъ въ томъ, что **правительство** называющее себя республиканскимъ и революціоннымъ, правительство, **поддерживаемое** меньшевиками и эсъ-эрами отъ имени «полномочныхъ органовъ революціонной демократіи», это правительство **боролось противъ демократическій организацій и побороло ихъ!!!**

Пальчинскій пріобрѣлъ себѣ этой борьбой самую пе-

чальную и самую широкую, всероссійскую извѣстность. Онъ дѣйствовалъ за спиной правительства, не выступая открыто передъ народомъ (совершенно такъ же, какъ предпочитали дѣйствовать кадеты вообще, охотно выдвигавшіе «для народа» Церетелли, а сами обдѣлывавшіе втихомолку всѣ важныя дѣла). Пальчинскій тормозилъ и срывали всякія серьезныя мѣры самочинныхъ демократическихъ организацій, ибо ни одна серьезная мѣра не могла состояться безъ «ущерба» безмѣрныхъ прибылей и самодурства китъ китычей. А Пальчинскій именно вѣрнымъ защитникомъ и слугой китъ китычей и былъ. Доходило до того, — и этотъ фактъ былъ опубликованъ въ газетахъ — что Пальчинскій прямо **отмѣнялъ** распоряженія самочинныхъ демократическихъ организацій!!!

Вся исторія «царствованія» Пальчинскаго много мѣсяцевъ и какъ разъ тогда, когда Церетелли, Скобелевъ, Черновъ были «министрами»,—есть одинъ сплошной, безобразный скандалъ, срывъ воли народа, рѣшенія демократіи, **въ угоду** капиталистамъ, ради ихъ грязной корысти. Въ газ. могла появляться разумѣется лишь ничтожная доля «подвиговъ» Пальчинскаго, и полное разслѣдованіе того, какъ онъ **мѣшалъ** борьбѣ съ голодомъ, удастся осуществить только истинно демократическому правительству пролетаріата, когда онъ завоюетъ власть и на **судъ** народа отдастъ, безъ утайки, дѣла Пальчинскаго и подобныхъ ему.

Возразятъ, пожалуй, что Пальчинскій вѣдь былъ исключеніемъ и вотъ его же удалили... Но въ томъ то и дѣло, что Пальчинскій — не исключеніе, а **правило**, что съ удаленіемъ Пальчинскаго дѣло ничуть не улучшилось, что его мѣсто заняли такіе же Пальчинскіе съ иной фамиліей, что все «вліяніе» капиталистовъ, вся политика срыва борьбы **съ голодомъ въ угоду имъ** осталась неприкосновенною. Ибо Керенскій и К° — лишь ширма защиты интересовъ капиталистовъ.

Самое наглядное доказательство тому — уходъ изъ министерства Пѣшехонова, министра продовольствія. Какъ извѣстно, Пѣшехоновъ — народникъ самый, самый умѣренный. Но по организаціи продовольственнаго дѣла онъ хотѣлъ работать добросовѣстно, въ связи съ демократическими организаціями, опираясь на нихъ. Тѣмъ интереснѣе **опытъ** работы Пѣшехонова и уходъ его, что этотъ умѣреннѣйшій народникъ, членъ «народно-соціалистической партіи», готовый итти на какія угодно компромиссы съ буржуазіей, все же оказался вынужденнымъ уйти. Ибо правительство Керенскаго, въ угоду капиталистамъ, помѣщикамъ и кулакамъ, **повысило** твердыя цѣны на хлѣбъ!!

Вотъ какъ описываетъ М. Смитъ въ газетѣ «Свободная Жизнь», отъ 2-го сентября, этотъ «шагъ» и его значеніе:

«За нѣсколько дней до принятія правительствомъ повышенія твердыхъ цѣнъ въ общегосударственномъ продовольственномъ комитетѣ произошла такая сцена: представитель правой Роловичъ, упорный защитникъ интересовъ частной торговли и безпощадный врагъ хлѣбной монополіи и государственнаго вмѣшательства въ экономическую жизнь, заявилъ во всеуслышаніе съ самодовольной улыбкою, что, по его свѣдѣніямъ, твердыя цѣны на хлѣбъ будутъ въ скоромъ времени повышены.

«Представитель же Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ

Депутатовъ знявилъ въ отвѣтъ на это, что ему ничего подобнаго неизвѣстно, что пока въ Россіи длится революція, такой актъ не можетъ имѣть мѣста, и что во всякомъ случаѣ, правительство не можетъ пойти на этотъ актъ безъ совѣщанія съ правомочными органами демократіи — экономическимъ совѣтомъ и общегосударственнымъ продовольственнымъ комитетомъ. Къ этому заявленію присоединился и представитель Совѣта Крестьянскихъ Депутатовъ.

«Но, увы! Дѣйствительность внесла въ эту контраверсію весьма жестокую поправку: правы оказались не представители демократіи, а представитель цензовыхъ элементовъ. Онъ оказался прекрасно освѣдомленнымъ по поводу готовящагося покушенія на права демократіи, хотя представители ея и отвергли съ негодованіемъ самую возможность такого покушенія».

Итакъ, и представитель рабочихъ и представитель крестьянства заявляютъ опредѣленно свое мнѣніе отъ имени гигантскаго большинства народа, а правительство Керенскаго поступаетъ наоборотъ, въ интересахъ капиталистовъ!

Роловичъ, представитель капиталистовъ, оказался превосходно освѣдомленнымъ за спиной демократіи — совершенно такъ же, какъ мы всегда наблюдали и теперь наблюдаемъ наилучшую освѣдомленность буржуазныхъ газетъ, «Рѣчи» и «Биржевки», о томъ, что происходитъ въ правительствѣ Керенскаго.

На что указываетъ эта замѣчательная освѣдомленность? Ясно на то, что капиталисты имѣютъ свои «ходы» и держатъ **фактически** власть въ своихъ рукахъ. Керенскій подставная фигура, которую они пускаютъ въ ходъ, такъ и тогда, какъ и когда имъ требуется. Интересы десятковъ милліоновъ рабочихъ и крестьянъ оказываются принесенными въ жертву прибылямъ горстки богачей.

Что же отвѣчаютъ на это возмутительное издѣвательство надъ народомъ наши эсъ-эры и меньшевики? Можетъ быть, они обратились къ рабочимъ и крестьянамъ съ воззваніемъ, что Керенскому и его коллегамъ послѣ этого мѣсто только въ тюрьмѣ?

Боже упаси! Эсъ-эры и меньшевики, въ лицѣ принадлежащаго имъ «Экономическаго Отдѣла», ограничились принятіемъ грозной резолюціи, которую мы уже упоминали. Въ этой резолюціи они заявляютъ, что повышеніе хлѣбныхъ цѣнъ правительствомъ Керенскаго, есть «мѣра **пагубная,** наносящая **сильнѣйшій ударъ,** какъ продовольственному дѣлу, такъ и всей хозяйственной жизни страны» и что проведены эти пагубныя мѣры съ прямымъ **«нарушеніемъ» закона!!!**

Таковы результаты политики соглашательства, политики заигрыванія съ Керенскимъ и желанія «щадить» его!

Правительство нарушаетъ законъ, принимая, въ угоду богачамъ, помѣщикамъ и капиталистамъ, такую мѣру, которая **губитъ** все дѣло контроля, продовольствія и оздоровленія расшатанныхъ до нельзя финансовъ, — а эсъ-эры и меньшевики продолжаютъ говорить о соглашеніи съ торгово-промышленными кругами, продолжаютъ ходить на совѣщаніе съ Терещенкой, щадить Керенскаго и ограничиваются бумажной резолюціей протеста, которую правительство преспокойно кладетъ подъ сукно!!

Вотъ гдѣ съ особенной наглядностью обнаруживается та истина, что эсъ-эры и меньшевики измѣнили народу и революціи и что дѣйствительнымъ вождемъ массъ, даже эсъ-эровскихъ и меньшевистскихъ, становятся большевики.

Ибо именно завоеваніе власти пролетаріатомъ съ партіей большевиковъ во главѣ его, одно въ состояніи было бы положить конецъ творимымъ Керенскимъ и К° безобразіямъ и **возстановить** ту работу демократическихъ организацій продовольствія, снабженія и т. д., которую Керенскій и его правительство **срываютъ.**

Большевики выступаютъ — на приведенномъ примѣрѣ это видно съ полнѣйшей ясностью — какъ представители интересовъ обезпеченія дѣла продовольствія и снабженія, интересовъ удовлетворенія насущнѣйшихъ нуждъ рабочихъ и крестьянъ вопреки той колеблющейся, нерѣшительной, по истинѣ измѣннической политикѣ эсъ-эровъ и меньшевиковъ, которая довела страну до позора подобнаго этому повышенію цѣнъ на хлѣбъ!

Финансовый крахъ и мѣры противъ него.

Вопросъ о повышеніи твердыхъ цѣнъ на хлѣбъ имѣетъ также другую сторону. Это повышеніе означаетъ новое хаотическое увеличеніе выпуска бумажныхъ денегъ, новый шагъ впередъ процесса усиленія дороговизны, усиленіе финансоваго разстройства и приближеніе финансоваго краха. Всѣ признаютъ, что выпускъ бумажныхъ денегъ является худшимъ видомъ принудительнаго займа, что онъ ухудшаетъ положеніе всего сильнѣе именно рабочихъ, бѣднѣйшей части населенія, что онъ является главнымъ зломъ финансовой неурядицы.

И именно къ этой мѣрѣ прибѣгаетъ поддерживаемое эсъ-эрами и меньшевиками правительство Керенскаго.

Для серьезной борьбы съ финансовымъ разстройствомъ и неизбѣжнымъ финансовымъ крахомъ нѣтъ иного пути, кромѣ того революціоннаго разрыва съ интересами капитала и организаціи контроля дѣйствительно демократическаго, т. е. «снизу», контроля рабочихъ и бѣднѣйшихъ крестьянъ за капиталистами, — того пути, о которомъ говоритъ все наше предыдущее изложеніе.

Необъятный выпускъ бумажныхъ денегъ поощряетъ спекуляцію, позволяетъ капиталистамъ наживать на ней милліоны и создаетъ громадныя трудности столь необходимому расширенію производства, ибо дороговизна матеріаловъ, машинъ и пр. усиливается и идетъ впередъ скачками. Какъ помочь дѣлу, кагда пріобрѣтаемыя спекуляціей богатства богатыхъ скрываются?

Можно ввести подоходный налогъ съ прогрессирующими и очень высокими ставками для крупныхъ и крупнѣйшихъ доходовъ. Наше правительство, вслѣдъ за другими имперіалистическими правительствами, ввело его. Но онъ остается въ значительной степени фикціей, мертвой буквой, ибо, во-первыхъ, цѣнность денегъ все быстрѣе и быстрѣе падаетъ, а, во-вторыхъ, утайка доходовъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше источникомъ ихъ является спекуляція и чѣмъ надежнѣе охранена коммерческая тайна.

Чтобы сдѣлать налогъ дѣйствительнымъ, а не фиктивнымъ нуженъ дѣйствительный, а не остающійся на бумагѣ контроль. А контроль за капиталистами невозможенъ, если

онъ остается бюрократическимъ, ибо бюрократія тысячами нитей сама связана и переплетена съ буржуазіей. Поэтому въ западно-европейскихъ имперіалистическихъ государствахъ, все равно и въ монархіяхъ и въ республикахъ, финансовое упорядоченіе достигается лишь цѣной такого введенія «трудовой повинности», которое создаетъ для рабочихъ **военную каторгу** или **военное рабство.**

Реакціонно-бюрократическій контроль — вотъ единственное средство, которое знаютъ имперіалистическія государства, не исключая демократическихъ республикъ, Франціи и Америки, для сваливанія тяжестей войны на пролетаріатъ и на трудящіяся массы.

Основное противорѣчіе нашей правительственной политики состоитъ именно въ томъ, что приходится проводить — дабы не ссориться съ буржуазіей, не разрушать «коалиціи» съ ней — реакціонно-бюрократическій контроль, называя его «революціонно-демократическимъ», обманывая на каждомъ шагу народъ, раздражая и озлобляя массы, только что свергнувшія царизмъ.

Между тѣмъ именно революціонно-демократическія мѣры, объединяя въ союзы какъ разъ угнетенные классы, рабочихъ и крестьянъ, какъ разъ массы — давали бы возможность установленія самаго дѣйствительнаго контроля **за богатыми** и успѣшной борьбы съ утайкой доходовъ.

Стараются поощрять чековое обращеніе для борьбы съ чрезмѣрнымъ выпускомъ бумажныхъ денегъ. Для бѣдныхъ эта мѣра не имѣетъ значенія, ибо бѣднота все равно живетъ со дня на день, все равно въ недѣлю завершаетъ свой «хозяйственный оборотъ», возвращая капиталистамъ ихъ скудные гроши, которые ей удается заработать. Для богатыхъ чековое обращеніе могло бы имѣть громадное значеніе, оно позволило бы государству, особенно въ связи съ такими мѣрами, какъ національзація банковъ и отмѣна торговой тайны, **дѣйствительно** контролировать доходы капиталистовъ, дѣйствительно «демократизировать» (а вмѣстѣ съ тѣмъ и упорядочить) финансовую систему.

Но помѣхой тутъ является именно боязнь нарушить привилегіи буржуазіи, разорвать «коалицію» съ ней. Ибо безъ мѣръ истинно революціонныхъ, безъ серьезнѣйшаго принужденія, капиталисты никакому контролю не подчинятся, своихъ бюджетовъ не откроютъ, запасы бумажекъ не сдадутъ «подъ отчетъ» демократическаго государства.

Объединенные въ союзѣ рабочіе и крестьяне, національзируя банки, вводя чековое обращеніе какъ обязательное по закону для всѣхъ богатыхъ людей отмѣняя торговую тайну, устанавливая конфискацію имущества за утайку доходовъ и т. п., могли бы съ чрезвычайной легкостью сдѣлать контроль и дѣйствительнымъ и универсальнымъ, контроль именно за богатыми, контроль именно такой, который **вернулъ бы казнѣ** выпускаемыя ею бумажныя деньги **отъ тѣхъ,** кто ихъ имѣетъ, отъ тѣхъ, кто ихъ прячетъ.

Для этого нужна революціонная диктатура демократіи, возглавляемой революціоннымъ пролетаріатомъ, т. е. для этого демократія должна стать революціонной **на дѣлѣ.**

Въ этомъ весь гвоздь. Этого то и не хотятъ наши эсъ-эры и меньшевики, обманывающіе народъ **флагомъ «революціонной демократіи»** и поддерживающіе **на дѣлѣ**

реакціонно-бюрократическую политику буржуазіи, которая, какъ всегда, руководится правиломъ: «après nous le déluge» — послѣ насъ хоть потопъ!

Мы не замѣчаемъ даже обыкновенно, до какой степени глубоко въѣлись въ насъ антидемократическія привычки и предразсудки насчетъ «святости» буржуазной собственности. Когда инженеръ или банкиръ публикуетъ доходы и приходы рабочаго, данныя о его заработкахъ и о производительности его труда, это считается архизаконнымъ и справедливымъ. Никто не думаетъ усматривать въ этомъ посягательство на «частную жизнь» рабочаго, «сыскъ или доносъ» инженера. Трудъ и заработокъ наемныхъ рабочихъ буржуазное общество разсматриваетъ **своей** открытой книгой, куда всякій буржуа вправѣ всегда заглянуть, всегда разоблачить «роскошь» рабочаго, какую то будто бы «лѣнь» его и т. п.

Ну, а обратный контроль? Что, если бы союзы служащихъ, конторщиковъ, **прислуги** были **приглашены демократическимъ государствомъ** къ провѣркѣ доходовъ и расходовъ капиталистовъ, къ публикаціи данныхъ объ этомъ, къ содѣйствію правительству въ дѣлѣ борьбы съ утайками доходовъ?

Какой бы дикій вой подняла буржуазія противъ «сыска», противъ «доносовъ»! Когда «господа» контролируютъ прислугу, капиталисты — рабочихъ, это считается въ порядкѣ вещей, частная жизнь трудящагося и эксплоатируемаго **не** считается неприкосновенной, буржуазія вправѣ потребовать къ отчету каждаго «наемнаго раба», всегда вынести на публику его доходы и расходы. А попытку угнетенныхъ контролировать угнетателя, **его** роскошь выз- расходы вывести на чистую воду, **его** роскошь раскрыть хотя бы даже во время войны, когда эта роскошь вызываетъ прямой голодъ и гибель армій на фронтѣ, — о, нѣтъ, буржуазія «сыска» и доносовъ не допуститъ!

Вопросъ сводится все къ тому же: господство буржуазіи съ истинно-революціоннымъ истинно-демократизмомъ не примиримо. Въ 20-омъ вѣкѣ, въ капиталистической странѣ нельзя быть революціоннымъ демократомъ, **ежели бояться** идти къ соціализму.

Можно ли идти впередъ, боясь идти къ соціализму?

Предшествующее наложеніе легко можетъ у читателя, воспитаннаго на ходячихъ оппортунистическихъ идеяхъ эсъ-эровъ и меньшевиковъ, вызвать такое возраженіе: большинство описываемыхъ здѣсь мѣръ, въ сущности, не демократическія, а **уже** соціалистическія мѣры.

Это ходячее возраженіе, обычное (въ той или иной формѣ) въ прессѣ буржуазной, эсъ-эровской и меньшевистской, есть реакціонная защита отсталаго капитализма, защита, наряженная по-струвистски. Дескать, мы не созрѣли для соціализма, рано «вводить» соціализмъ, наша революція буржуазная, — поэтому надо быть въ холопахъ у буржуазіи (хотя великіе буржуазные революціонеры Франціи, 125 лѣтъ тому назадъ, сдѣлали свою революцію великой посредствомъ **террора** противъ всѣхъ угнетателей, и помѣщиковъ, и капиталистовъ).

Услужающіе буржуазіи горе-марксисты, къ которымъ перешли и эсъ-эры, и которые разсуждаютъ такъ, не по-

нимаютъ (если разсмотрѣть теоретическія основы ихъ мнѣнія), что такое имперіалистическія монополіи? Что такое государство? Что такое революціонная демократія? Ибо понявъ это, нельзя не признать, что нельзя идти впередъ, не идя къ соціализму.

Объ имперіализмѣ говорятъ всѣ. Но имперіализмъ есть не что иное, какъ монополистическій соціализмъ.

Что въ Россіи тоже капитализмъ сталъ монополистическимъ, объ этомъ «Продуголь», «Продаметъ», сахарный синдикатъ и пр. свидѣтельствуютъ достаточно наглядно. Тотъ же сахарный синдикатъ показываетъ намъ во-очію перерастаніе монополистическаго капитализма въ государственно-монополистическій капитализмъ.

А что такое государство? Это организація господствующаго класса, — напр., въ Германіи юнкеровъ и капиталистовъ. Поэтому то, что нѣмецкіе Плехановы (Шейдеманъ, Ленчъ и др.) называютъ «военнымъ соціализмомъ», на дѣлѣ есть военно-государственный монополистическій капитализмъ или, говоря проще и яснѣе, военная каторга для рабочихъ, военная охрана прибылей капиталистовъ.

Ну, а попробуйте-ка подставить **вмѣсто** юнкерски-капиталистическаго, вмѣсто помѣщичьи-капиталистическаго государства, государство **революціонно-демократическое,** т. е. революціонно разрушающее **всякія** привилегіи, не боящееся революціонно осуществлять самый полный демократизмъ? Вы увидите, что государственно-монополистическій капитализмъ при дѣйствительно революціонно-демократическомъ государствѣ неминуемо, неизбѣжно означаетъ шагъ къ соціализму.

Ибо если крупнѣйшее капиталистическое предпріятіе становится монополіей, значитъ, оно обслуживаетъ весь народъ. Если оно стало государственной монополіей, значитъ государство (т. е. вооруженная организація населенія, рабочихъ и крестьянъ, въ первую голову, при условіи **революціоннаго** демократизма) — государство направляетъ предпріятіе въ чьихъ интересахъ?

— Либо въ интересахъ помѣщиковъ и капиталистовъ; тогда мы получаемъ не революціонно-демократическое, а реакціонно-бюрократическое государство, имперіалистическую республику; —

— либо въ интересахъ революціонной демократіи; **тогда это и есть шагъ къ соціализму.**

Ибо соціализмъ есть не что иное, какъ ближайшій шагъ впередъ отъ государственно-капиталистической монополіи. Или иначе: соціализмъ есть ничто иное, какъ государственно-капиталистическая монополія, **обращенная на пользу** всего народа и постольку **переставшая** быть капиталистической монополіей.

Тутъ середины нѣтъ. Объективный ходъ развитія таковъ, что отъ монополій (а война удесятирила ихъ число, роль и значеніе) впередъ идти **нельзя,** не идя къ соціализму.

Либо быть революціоннымъ демократомъ **на дѣлѣ.** Тогда нельзя бояться шаговъ къ соціализму.

Либо бояться шаговъ къ соціализму, осуждая ихъ по-Пѣшехоновски, по-Дановски, по-Черновски доводами, что наша революція буржуазная, что нельзя «вводить» соціализмъ и т. п., — и тогда неминуемо скатиться къ Керен-

скому, Милюкову и Корнилову, т. е. реакціонно-бюрократически подавлять «революціонно-демократическія» стремленія рабочихъ и крестьянскихъ массъ.

Середины нѣтъ.

И въ этомъ основное противорѣчіе нашей революціи.

Стоять на мѣстѣ нельзя — въ исторіи вообще, во время войны въ особенности. Надо идти либо впередъ, либо назадъ. Идти впередъ, въ Россіи 20-го вѣка, завоевавшей республику и демократизмъ революціоннымъ путемъ, **нельзя**, не идя къ соціализму, не дѣлая **шаговъ къ** нему (шаговъ, обусловленныхъ и опредѣленныхъ уровнемъ техники и культуры: крупное машинное хозяйство нельзя «ввести» въ земледѣліе крестьянъ», его нельзя отмѣнить въ сахарномъ производствѣ).

А если бояться идти впередъ, **это значитъ** идти назадъ, чѣмъ г.г. Керенскіе, при восторгахъ Милюковыхъ и Плехановыхъ, при глупомъ пособничествѣ Церетели и Черновыхъ, и занимаются.

Діалектика исторіи именно такова, что война, необычайно ускоривъ превращеніе монополистическаго капитализма въ государственно-монополистическій капитализмъ, **тѣмъ самымъ** необычайно приблизила человѣчество къ соціализму.

Имперіалистическая война есть канунъ соціалистической революціи. И это не только потому, что война своими ужасами порождаетъ пролетарское возстаніе, — никакое возстаніе не создастъ соціализма, если онъ не созрѣлъ экономически, — а потому, что государственно-монополистическій капитализмъ есть полнѣйшая **матеріальная** подготовка соціализма, есть **преддверіе** его, есть та ступенька исторической лѣстницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой соціализмомъ, никакихъ **промежуточныхъ ступеней нѣтъ.**

Къ вопросу о соціализмѣ наши эсъ-эры и меньшевики подходятъ по-доктринерски, съ точки зрѣнія заученной ими наизусть и плохо понятой доктрины. Они представляютъ соціализмъ чѣмъ то далекимъ, неизвѣстнымъ, темнымъ, будущимъ.

А соціализмъ теперь смотритъ на насъ черезъ всѣ окна современнаго капитализма, соціализмъ вырисовывается непосредственно, **практически**, изъ каждой крупной мѣры, составляющей шагъ впередъ на базѣ этого новѣйшаго капитализма.

Что такое трудовая всеобщая повинность?

Это шагъ впередъ на базѣ новѣйшаго монополистическаго капитализма, шагъ къ регулированію экономической жизни въ цѣломъ, по извѣстному общему плану, шагъ къ сбереженію народнаго труда, къ предотвращенію безсмысленной растраты его капитализмомъ.

Въ Германіи юнкера (помѣщики) и капиталисты вводятъ всеобщую трудовую повинность, и тогда она неизбѣжно становится военной каторгой для рабочихъ.

Но возьмите то же самое учрежденіе и продумайте значеніе его при революціонно-демократическомъ государствѣ. Всеобщая трудовая повинность, вводимая, регулируемая, направляема Совѣтами Рабочихъ, Солдатскихъ и Крестьянскихъ Депутатовъ, это еще не соціализмъ, но это

уже не капитализмъ.. Это громадный шагъ къ соціализму, такой шагъ, что, при условіи сохраненія полной демократіи, отъ такого шага нельзя уже было бы, безъ неслыханныхъ насилій надъ массами уйти назадъ, къ капитализму.

Борьба съ разрухой и война.

Вопросъ о мѣрахъ борьбы съ надвигающейся катастрофой подводитъ насъ къ освѣщенію другого важнѣйшаго вопроса: о связи внутренней политики съ внѣшнею, или иначе: о соотношеніи между войной захватной, имперіалистской, и войной революціонной, пролетарской, между войной преступной — грабительской и войной справедливо-демократической.

Всѣ описанныя нами мѣры борьбы съ катастрофой чрезвычайно усилили бы, какъ уже было нами отмѣчено, обороноспособность или, говоря иначе, военную мощь страны. Это съ одной стороны. А съ другой стороны, эти мѣры нельзя провести въ жизнь, не превращая войны захватной въ войну справедливую, войны, ведомой капиталистами въ интересахъ капиталистовъ, въ войну ведомую пролетаріатомъ въ интересахъ всѣхъ трудящихся и эксплоатируемыхъ.

Въ самомъ дѣлѣ. Націонализація банковъ и синдикатовъ, въ связи съ отмѣной коммерческой тайны и рабочимъ контролемъ за капиталистами, означала бы не только гигантское сбереженіе народнаго труда, возможность съэкономить силы и средства, она означала бы также улучшенія положенія трудящихся **массъ** населенія, большинства его. Въ современной войнѣ, какъ всѣ знаютъ, экономическая организація имѣетъ рѣшающее значеніе. Въ Россіи хватитъ хлѣба, угля, нефти, желѣза — въ этомъ отношеніи наше положеніе лучше, чѣмъ какой бы то ни было изъ воюющихъ европейскихъ странъ. А при борьбѣ съ разрухой указанными средствами, привлекая къ этой борьбѣ самодѣятельность массъ, улучшая ихъ положеніе, вводя націонализацію банковъ и синдикатовъ, Россія использовала бы свою революцію и свой демократизмъ для подъема всей страны на неизмѣрно болѣе высокую ступень экономической организованности.

Если бы вмѣсто «коалиціи» съ буржуазіей, тормозящей всѣ мѣры контроля и саботирующей производство, эсъ-эры и меньшевики осуществили въ апрѣлѣ переходъ власти къ Совѣтамъ и направили свои силы не на игру «въ министерскую чехарду», не на бюрократическое просиживаніе, рядомъ съ кадетами, мѣстечекъ министровъ, товарищей министровъ и пр. пр., а для руководства рабочими и крестьянами въ **ихъ** контролѣ за капиталистами, въ **ихъ войнѣ противъ** капиталистовъ, — то Россія была бы теперь страной въ полномъ экономическомъ преобразованіи, съ землей у крестьянъ, съ націонализаціей банковъ, т. е. была бы **постольку** (а это крайне важныя экономическія базы современной жизни) **выше** всѣхъ остальныхъ капиталистическихъ странъ.

Обороноспособность, военная мощь страны съ націонализаціей банковъ выше, чѣмъ страны съ банками, остающимися въ частныхъ рукахъ. Восенная мощь крестьянской страны, съ землей въ рукахъ крестьянскихъ комите-

товъ, **выше,** чѣмъ страны съ помѣщичьимъ землевладѣніемъ.

Ссылаются постоянно на героическій патріотизмъ и чудеса военной доблести французовъ въ 1792—93 годахъ. Но забываютъ о матеріальныхъ, историко-экономическихъ условіяхъ, которыя только и сдѣлали эти чудеса возможными. Дѣйствительно революціонная расправа съ отжившимъ феодализмомъ, переходъ всей страны, и притомъ съ быстротой, рѣшительностью, энергіей беззавѣтностью по истинѣ революціонно-демократическими, къ болѣе высокому способу производства, къ свободному крестьянскому землевладѣнію — вотъ тѣ матеріальныя, экономическія условія, которыя съ «чудесной» быстротой спасли Францію, **переродивъ, обновивъ** ея хозяйственную основу.

Примѣръ Франціи говоритъ намъ одно и только одно: чтобы сдѣлать Россію обороноспособной, чтобы добиться и въ ней «чудесъ» массового героизма, надо съ «якобинской» безпощадностью смести все старое и обновить, переродить Россію **хозяйственно.** А этого нельзя сдѣлать въ 20-омъ вѣкѣ однимъ сметеніемъ царизма. Франція 125 лѣтъ тому назадъ не ограничилась этимъ. Этого нельзя сдѣлать даже однимъ революціоннымъ уничтоженіемъ помѣщичьяго землевладѣнія (мы даже этого не сдѣлали, ибо эсъ-эры и меньшевики измѣнили крестьянству), одной передачей земли крестьянстыу. Ибо мы живемъ въ 20-мъ вѣкѣ, господство надъ землей **безъ господства надъ банками** не въ состояніи внести перерожденія, обновленія въ жизнь народа.

Матеріальное, производственное, обновленіе Франціи, въ концѣ 18-го вѣка, было связано съ политическимъ и съ духовнымъ, съ диктатурой революціонной демократіи и революціоннаго пролетаріата (отъ котораго демократія не обособлялась и который былъ еще почти слитъ съ ней), — съ безпощадной войной, объявленной всему реакціонному. Весь народъ и въ особенности массы, т. е. **угнетенные классы** были охвачены безграничнымъ революціоннымъ энтузіазмомъ: войну всѣ считали справедливой, оборонительной, и она **была на дѣлѣ** таковой. Революціонная Франція оборонялась отъ реакціонно-монархической Европы. Не 1792—93 г.г., а много лѣтъ спустя **послѣ** побѣды реакціи внутри страны контръ-революціонная диктатура Наполеона превратила войны со стороны Франціи изъ оборонительныхъ въ завоевательныя.

А въ Россіи? Мы продолжаемъ вести войну имперіалистскую, въ интересахъ капиталистовъ, въ союзѣ съ имперіалистами, въ согласіи съ тайными договорами, которые заключилъ **царь** съ капиталистами Англіи и пр., обѣщая въ этихъ договорахъ русскимъ капиталистамъ ограбленіе чужихъ странъ, Константинополь, Львовъ, Арменію и т. д.

Война остается несправедливой, реакціонной, захватной со стороны Россіи, пока она не предложила справедливаго мира и не порвала съ имперіализмомъ. Соціальный характеръ войны, ея истинное значеніе опредѣляется не тѣмъ, гдѣ стоятъ непріятельскія войска (какъ думаютъ эсъ-эры и меньшевики, опускаясь до вульгарности темнаго мужика).) Этотъ характеръ опредѣляется тѣмъ, **какую политику** война продолжаетъ («война есть продолженіе политики»), **какой классъ въ какихъ цѣляхъ войну** ведетъ.

Нельзя вести массы на грабительскую войну въ силу тайныхъ договоровъ и надѣяться на ихъ энтузіазмъ. Передовой классъ революціонной Россіи, пролетаріатъ, все яснѣе сознаетъ преступность войны, и буржуазія не только не могла разубѣдить въ этомъ массы, а напротивъ, сознаніе преступности войны растетъ. Пролетаріатъ **обѣихъ столицъ** сталъ въ Россіи интернаціоналистскимъ окончательно.

Гдѣ ужъ тутъ говорить о массовомъ энтузіазмѣ за войну?

Одно неразрывно связано съ другимъ, внутренняя политика съ внѣшней. Нельзя сдѣлать страну обороноспособной безъ величайшаго героизма народа, осуществляющаго смѣло, рѣшительно великія экономическія преобразованія. И нельзя вызвать героизма въ массахъ, не разрывая съ имперіализмомъ, не предлагая всѣмъ народамъ демократическій миръ, не превращая войны такимъ путемъ изъ захватной, грабительской, преступной, въ справедливую, оборонительную, революціонную.

Только беззавѣтно — послѣдовательный разрывъ съ капиталистами и во внутренней и во внѣшней политикѣ въ состояніи спасти нашу революцію и нашу страну, зажатую въ желѣзные тиски имперіализма.

Революціонная демократія и революціонный пролетаріатъ.

Чтобы быть дѣйствительно революціонной, демократія современной Россіи должна идти въ полнѣйшемъ союзѣ съ пролетаріатомъ, поддерживая его борьбу, какъ единственнаго до конца революціоннаго класса.

Таковъ итогъ, къ которому приводитъ разборъ вопроса о средствахъ борьбы съ неминуемой катастрофой неслыханныхъ размѣровъ.

Война создала такой необъятный кризисъ, такъ напрягла матеріальныя и моральныя силы народа, нанесла такіе удары всей современной общественной организаціи, что человѣчество оказалось передъ выборомъ: или погибнуть или вручить свою судьбу самому революціонному классу для быстрѣйшаго и радикальнѣйшаго перехода къ болѣе высокому способу производства.

Въ силу ряда историческихъ причинъ — большой отсталости Россіи, особенныхъ трудностей войны для нея, наибольшей гнилости царизма, чрезвычайной живости традицій 1905 года — въ Россіи раньше другихъ странъ вспыхнула революція. Революція сдѣлала то, что въ нѣсколько мѣсяцевъ Россія по своему **политическому** строю догнала передовыя страны.

Но этого мало. Война неумолима, она ставитъ вопросъ съ безпощадной рѣзкостью: либо погибнуть, либо догнать передовыя страны и перегнать ихъ также экономически.

Это возможно, ибо передъ нами лежитъ готовый опытъ большого числа передовыхъ странъ, готовые результаты ихъ техники и культуры. Намъ указываетъ моральную поддержку, растущій протестъ противъ войны въ Европѣ, атмосфера нарастающей всемірной рабочей революціи. Насъ подтягиваетъ, подхватываетъ исключительно рѣдкая во время имперіалистской войны революціонно-демократическая свобода.

Погибнуть или на всѣхъ парахъ устремиться впередъ. Такъ поставленъ вопросъ исторіей.

И отношеніе пролетаріата къ крестьянству въ такой моментъ подтверждаетъ — соотвѣтственно видоизмѣняя ее — старую большевистскую постановку: вырвать крестьянство изъ-подъ вліянія буржуазіи. Только въ томъ залогъ спасенія революціи.

А крестьянство есть наиболѣе многочисленный представитель всей мелкобуржуазной массы.

Наши эсъ-эры и меньшевики взяли на себя реакціонную роль: удержать крестьянство подъ вліяніемъ буржуазіи, вести крестьянство къ коалиціи съ буржуазіей, а не съ пролетаріатомъ.

Опытъ революціи учитъ массы быстро. И реакціонная политика эсъ-эровъ и меньшевиковъ терпитъ крахъ: они побиты въ Совѣтахъ обѣихъ столицъ. Въ обѣихъ мелкобуржуазно-демократическихъ партіяхъ растетъ «лѣвая» оппозиція. Въ Питерѣ 10 сентября 1917 г. городская конференція эсъ-эровъ дала большинство въ 2/3 **лѣвымъ** эсъ-эрамъ, тяготѣющимъ къ союзу съ пролетаріатомъ, отвергающимъ союзъ (коалицію) съ буржуазіей.

Эсъ-эры и меньшевики повторяютъ излюбленное буржуазіей противопоставленіе: буржуазія и демократія. Но такое противопоставленіе столь же безсмысленно, въ сущности, какъ сравненіе пудовъ съ аршинами.

Бываетъ демократическая буржуазія, бываетъ буржуазная демократія: только самое полное невѣжество и въ исторіи и въ политической экономіи способно отрицать это.

Невѣрное противопоставленіе понадобилось эсъ-эрамъ и меньшевикамъ, чтобы прикрыть безспорный фактъ: между буржуазіей и пролетаріатомъ стоитъ **мелкая буржуазія.** Она неизбѣжно, въ силу ея экономическаго классового положенія, колеблется между буржуазіей и пролетаріатомъ.

Эсъ-эры и меньшевики тянутъ мелкую буржуазію къ союзу съ буржуазіей. Въ этомъ суть всей ихъ «коалиціи», всего коалиціоннаго министерства, всей политики Керенскаго, типичнаго полукадета. За полгода революціи эта политика потерпѣла полный крахъ.

Кадеты злорадствуютъ: революція-де потерпѣла крахъ, революція не справилась ни съ войной, ни съ разрухой.

Неправда. Крахъ потерпѣли **кадеты и эсъ-эры съ меньшевиками,** ибо этотъ блокъ (союзъ) полгода правилъ Россіей, за полгода усилилъ разруху, запуталъ и затруднилъ военное положеніе.

Чѣмъ полнѣе крахъ **союза** буржуазіи **съ эсъ-эрами и меньшевиками,** тѣмъ быстрѣе научится народъ. Тѣмъ легче онъ найдетъ **вѣрный** выходъ: союзъ бѣднѣйшаго крестьянства съ пролетаріатомъ.

